

СМЕНА

4

1959

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ИЗ ПОХОДА ДАЛЬНОГО

Слова М. ЛАГИРОВА.
Музыка Л. ШУЛЬГИНА.

По крутому берегу вдоль села,
Где дорога-улица пролегла,
Из похода дальнего,
Рота шла, рота шла.

Говорит товарищ старшина:
— Хороша знакомая сторона;
Навсегда запомнилась,
Мне она, мне она.

Был на этой улице долгий бой,
Здесь упал я, раненный пулей бой.
И дымилась яблоня,
И дымилась яблоня

Надо мной, надо мной.

Уж давно остроено вновь село,
Яблонями, вишнями расцвело.
Нас встречает радостно,
Нас встречает радостно

И тепло, и тепло.

Вся земля советская, словно сад,
Но о злобе вражеской помни, брат!
Гей, на страже Родины,
Стой, солдат, стой, солдат!

В темпе марша *f* *одним*

По кру.то.му бе.ре.гу

Зво

вдоль се.ла, где до.ро.га - у.ли.ца про.ле.ла,

из по.хо.да даль.не.го, из по.хо.да даль.не.го ро.та шла,

Зво

ро.та шла. *Хор* Из по.хо.да даль.не.го, из по.хо.да

ff

даль.не.го ро.та шла, ро.та шла. *f. дат.*

Для подпевания без текста

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ
Февраль. № 4. 1959 год.

Год
издания
36-й

Рисунок В. Орлова.

Взвилась ракета — и под прикрытием танков десантники пошли в атаку.
Фото М. Муразова

БРОНЯ КРЕПКА...

ТАНК НА ПОСТАМЕНТЕ

Это было семнадцать лет назад. В боях под городом Красноармейском один советский автоматчик уничтожил экипаж вражеского бронетранспортера, захватил машину и огнем из орудия подбил три фашистских танка, которые встретились ему на пути.

Вскоре после этого автоматчик стал командиром тридцатьчетверки — грозной стальной машины. В боях за Донбасс он совершил немало славных подвигов. Когда часть попала в окружение и был ранен командир полка Лихачев, танкист положил раненого командира на явлюзии трансмиссии и, отстреливаясь, повел танк к своим. У линии фронта «тридцатьчетверку» встретил фашистский танк. Советский танкист принял смелое решение: идти на таран.

Удар — и фашистская машина была сбита.

Вся страна узнала имя бесстрашного танкиста Геннадия Павловича Виноградова, которому было присвоено звание Героя Советского Союза. Орден Ленина и Золотую Звезду отважному бойцу вручал сам Михаил Иванович Калинин. Виноградов рассказывал «массовою старостам» о высоких боевых качествах «тридцатьчетверки» и дал слово сберечь машину до конца войны. Свое слово воин сдержал: танк № 46, выпущенный 20 сентября 1942 года на одном из уральских заводов, прошел от Кантемировки до Берга и как символ воинской славы был установлен на постаменте в расположении гвардейской Кантемировской дивизии.

Осенью, когда в дивизию прибывает пополнение, новичков прежде всего ведут к танку Генна-

дия Виноградова. Десятнадцатилетние парни, приехавшие из разных городов и сел, слушают рассказ о том, как дивизия сражалась под Ворошилом, как в ночной декабрьской морозе 1942 года провела операцию противника и взяла Кантемировку, отбоя советским войскам путь в Донбасс.

Здесь же, у танка, ставшего памятником, молодые воины кланутся свято хранить и приумножать замечательные традиции Кантемировской дивизии, быть достойными преемниками славы старших товарищей.

НА ОГНЕМ РУБЕЖЕ

Суров и нелегко солдатская труд. Но зато как закаляет он воина, воспитывает в нем силу, решительность, выносливость.

Подразделение капитана Терехова и старшего лейтенанта Суя-

Отличник боевой и политической подготовки младший сержант Виктор Онищенко.

В лесу тишина. Замерли у рычагов управления водители... Но вот сейчас старший лейтенант Сутинов объяснит командирам взводов боевую задачу — и стальная лавина ринется на «врага».

тинова выводят на тактические учения. Танкистам предстоит преодолеть «минное поле» и «поддержать огнем наступающих стрелков».

Старший лейтенант Сутинов объявляет задачу командирам взводов, и вот бронированные машины, взрывая снег, выходят на огневой рубеж. У опушки леса застывает один из танков. Сержант Виктор Онищенко, командир экипажа, внимательно следит за действиями «противника». Молчаливо застыл у рычагов управления механик-водитель Иванюк.

— Все готово? — спрашивает Онищенко у рядового Анатолия Бортикова.

Анатолий отвечает утвердительно, он не подведет командира. А ведь всего лишь два месяца назад заряжающий Бортиков, тогда еще только начинавший осваивать военную специальность, получал на стрельбах двойку за двойкой. Он терял цель, был нерасторопен, не отличался наблюдательностью. Старшие товарищи — сержант Онищенко и рядовой Милов — терпеливо учили Анатолия сложному искусству наводчика. И вот через несколько недель Бортиков получил первую пятерку: его выстрелы точно поражали цель. Теперь экипаж сержанта Онищенко считается одним из лучших в подразделении.

...Взвивается ракета — сигнал к наступлению». Пробегают дымитники в белых масках; фигурки их едва различимы на снежном поле. Еще одна ракета. Танк, минуя препятствия, идет туда, где окопался «противник». Начинается «бой» за безмясную высоту. Командир, водитель и наводчик танка действуют четко и слаженно, не забывая суворовское правило: «тяжело в учении — легко в бою».

Друзья

Недавно в гости к танкистам приехали колхозники из местечка Кантемировка. По старинному русскому обычаю, хлеборобы преподнесли радужным хозяевам

Урна и взметая снег, грозные машины выходят на огневой рубеж.

Рядовой Виктор Агапов и младший сержант Бронислав Костырев перед увольнением в городской отпуск.

хлеб-соль и заявили, что каждый колхоз их района будет шефствовать над отдельными подразделениями и частями дивизии. В комнате боевой славы, рядом с макетами новых танков, появился сноповозокостой пшеницы, перевязан-

ный красной лентой с ладисью: «От колхозников сельхозартеля имени Кантемировской дивизии»...

Гости познакомились с жизнью, учебой, бытом, молодые воины дивизии. Здесь им рассказали о дружбе трех танкистов — Але-

Недавно в гостях у воинов-кантемировцев побывал старый большевик, участник трех революций Гавриил Григорьевич Пивоваров.

«Солдатский переплел»... Лихо, с огненным исполнением этот танец уча-
тник художественной самодеятельности дивизии.

«Они у нас самые закаленные», — говорят танкисты о своих товарищах — Александре Спиробогатове, Николае Ахалцихе, Иване Перегудове.

ксандра Долотова, Бориса Борзова и Геннадия Кудрявцева.

До прихода в армию Александр и Борис работали трактористами; они без особого труда овладели специальностью водителя. Что касается Геннадия, то он работал в депо и хорошо знал технику...

Все трое — Долотов, Борзов, Кудрявцев — были родом из Ярославской области. Познакомились, земляки решили стать отличными танкистами, учиться только на пятерки.

Настойчивость ярославцев помогала им в короткий срок освоить все «танковые специальности». На учениях их машины быстрее других преодолевали преграды, метко поражая цели-макеты. И когда стало известно, что Александр Долотов в числе лучших воинов Кантемировской дивизии

будет участвовать в праздничном параде на Красной площади, друзья восприняли это сообщение как общий успех.

...Мы прибыли в Кантемировскую дивизию в праздничный день. Часть выстроилась на плацу. За шеренгами танкистов молча и застыли грозные машины. Под звуки оркестра начался торжественный марш.

В общем могуем строю шли молодые пары в танкистских шлемах: Виктор Онищенко, Анатоль Бортинков, Борис Борзов, Александр Долотов, Геннадий Кудрявцев... Шли солдаты великой армии мира. В их мужественной поступи чувствовалась готовность в любую минуту встать грудью на защиту своей социалистической Родины.

А. КРИВЕЛЬ

Шумными аплодисментами награждают зрители своих артистов.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ КОМБАТА

Рассказ

Мы ждали атаки.

Сверху нас пригравало солнце, а снизу, от недавно отвашшей земли, в которой вырыли окоп, тянуло холодком. Перед нами растялось огромное, поднимающееся к горизонту поле. На нем не было ни души, ни дыма, ни взрывки, когда в голубом небе проплывало белое облако, по земле скользило, как бы крудясь, его легкая тень.

Команды готовятся к атаке все не было, и, спустив голову на легкий бруствер, задремал. Вдруг что-то заонкое ударило в кулак. Поднял голову, я увидел в траве окоп бастуру ружейный патрон, в который была засунута свернутая в трубочку записка. Я подумал, что это пистолетно-молотная с прицелом не подкачать в атаке, однако на этот раз создается почта принесла весьма необычное сообщение:

«Товарищи! Сегодня день рождения комбата!»

Прочитав записку, я свернул ее, засунул в патрон и перебрал своему соседу слева, Грише Белкин. Он стоял в пяти шагах от меня. Одновременно с запиской, Гриша захватил в кулак, нагнувшись до бровей, горбоносый, с выпяченными вперед подбородком, он казался сердитым и даже сиренью.

— Кто скажешь, Белкин! — спросил я его. Он молчал.

— Ведь имениннику всегда дарят что-нибудь. Как ты думаешь, почему мы сделаем какой-нибудь подарок комбату?

— Нельзя! — отрезал Белкин.

— Это почему же?

— В армии не положено преподнести подарки начальству, не знаешь, что ли...

Действительно, ни в одном уставе не написано, что командиру в день его рождения можно сделать подарок. Но ведь никакие уставы не могут предусмотреть всего, что случается в солдатской жизни.

— Мне лично подарки всегда приносили несчастье,— сообщил, повернувшись ко мне, Белкин.— Был я однажды именинником — семь лет исполнилось. И вот старший брат подарил мне пистолет. Знаешь, чудесный такой пистолетик, пробками стреляет. Обработал я, и сразу дом мой родной стал не домом, а дремучим лесом, и сам я уже был не Гришка-сорванец, а вудей разведчик. Кухня превратилась в неприступный штаб. Прокрался я куда-то неслышными шагами, привалился к чуждому кострищу и спустил курок. Все было бы хорошо, да на мою беду бабушка в кухне посуду мыла. Когда я выстрелил, она, бедняжка, вздрогнула и уронила свою люби-

мую чашку с золотым ободком. Чашка, конечно, разбегилась. Прибежал на шум папани и тут же, так сказать, на месте преступления, выпорол меня ремнем. А ведь я именинник был, неприкосновенная личность...

— А в тебе горю, что это самый подходящий подарок. Цветы всем можно дарить, не только артистам.

Белкин помолчал.

— Возможно, ты и прав,— согласился он наконец.— Но достать цветы не так-то просто. Ну, где мы их возьмем?

Отвять я не успел.

— Кто это там болтает на лезов флажке? — послышался знакомый грозный голос.— Это вы, рядовой Белкин! Вы что, на тактических занятиях или на последней лекции?

Белкин посмотрел на меня с укором, а я, чуть повернув голову вправо, увидел комбата.

Он стоял за пыльным кустом орешника и, отведя рукой мешавшую ему ветку, смотрел в башкет на цветы, по которому нам предстояло идти в наступление. Вот он опустил башкет, и я увидел его лицо — загорелое, с широкими черными бровями и с таким выражением, как будто он очень недолюбил и подолбил, и пошел к нам, его солдаты.

Да, он суров, наш комбат. Погода наченной пугавости более чем достаточно, чтобы получить от него замечание, строгое или язвительное, смотря по настроению. Как-то весной, гуляя по набережной, я засмотрелся на чак и, не заметив проходящего мимо комбата, не поприветствовал его. Он подошел ко мне. Не помню точно, что именно он говорил. Помню только, что мне сделалось очень жарко.

Насежда останется в моей памяти и то утро, когда я очутился после операции в палате госпиталя. Денюль был хмурый, по оконному стеклу ползли струйки дождя. Я отворнулся от этой сумной картины и увидел комбата, присевшего около меня на табуретку. Он был в белом больничном платье. Свет из окна падал на его лицо, и я хорошо видел густые черные брови и добрые серые глаза.

ОТЛИЧНИК СОВЕТСКОЙ АРМИИ ВИКТОР АЛФЕЕВ

Отличник Советской Армии! Нелегко дается солдату это звание. Много усилий надо приложить, чтобы научиться метко стрелять, бдительно нести караульную службу, действовать на тактических занятиях, как бы в настоящих боевых условиях. Но воин, сознающему свой благородный долг перед Родиной, любая трудность по плечу. Это в полной мере относилось и к ефрейтору Виктору Алфееву, который за безупречную службу и высокие показатели в учебе имеет всезнающие поощрения.

Не так давно командир подразделения направил благодарственное письмо родителям воина: «Дорогие родители! Виктору и Екатерине Алфеевны! — писал командир.— Рад сообщить вам, что ваш сын является дисциплинированным, исполнительным солдатом. Он добросовестно изучает военное дело, старается твердо запомнить все, чему его обучают командиры, быстро и точно выполняет все приказания. Разрешите от всей души поблагодарить вас за то, что вы воспитали такого сына».

Каждая победа, одержанная нашим народом, радует и возмущает ефрейтора Виктора Алфеева — его боевых товарищей. Теперь, когда страна приступила к осуществлению величайшего плана развернутого фронта — построения коммунизма, советские воины участвую с еще большим напряжением к нему.

Историческое решение XXI съезда родной Коммунистической партии зовут их к новым успехам в боевой и политической подготовке.

Я попытается приподнять, но он положил мне на плечо свою большую руку. Разговор шел о пустяках. Комбат говорил о самых обыденных вещах: спрашивал, что лижут мне из дому, люблю ли я лить рубль и есть ли в наших краях молодые еловые лес. Он называл их станиками, рассказывал замечательные истории о белых грибах, что растут в станиках...

Да, но как же быть с подарком! Я попытался снова заговорить об этом с Белкиным, но начался атака. Над полем пролетела злая комета с дымом и огнем, и где-то слыши, в лесу, взрывели моторы, и такжелье, с приплюснутыми башмаками танки, роясь в брони зеленые ветки, принимая землю, двинулись в поле. «Вперед!» — послышалось голоса командира...

Атаку пелоты с танками хорошо наблюдать в кино, и когда ты сам с карбином наперевес бежишь в облаке горючей пыли, глотая ее вместе с едким дымом из выхлопных труб, и на тебе вешной мешок, скатка, противогаз, доната, — тут не до развлечений.

Их... Ноги мои встали на жесткое песке, то путаются в какой-то жесткой траве. Но отставать нельзя. Вперед! Вперед! Некогда даже стретер пы с лица. Ведь тебе атаки, от которого зависит успех боя, должны выдерживать не только командир, старший танкист, командир, котормы, но и мы, солдаты, с обыкновенными человеческими сердцами.

И мы выдержали тепло. Мы прошли две линии траншей, и только перед третьей ефрейтор поднялся с землицою. С трудом достигнув до окопата, я вытиснул ее из чухла и начал опалывать. Земля была очень сухая. Жмурясь от пыли, которую летела мне в лицо, я соорудил перед собой небольшой бруствер из досок, выложил его камнями и кирпичом. Он был весь в пыли, каплях пота, стая, разгустившаяся его лицо замысловатой телесной работы. Я мог бы пометиться над ним, если бы не знал, что сам выгляжу не лучше.

Вот, куда-то в сторону танков, и на поле стали появляться мишени. Приземистые, темные, они возникли внезапно за каждым бургом, и мне казалось, что это зраг готовится нанести нам ответный удар. Я прицелился в одну из мишеней, выстрелил и не дождался стрельы. Грохнул карабин Белкина. И от уже все поле застывало, задмылилось, запало поухом...

Потом мы снова шли вперед, пока один не поднялся, возмиска стена леса. Здесь опять стал простреливать неуговорный ефрейторник, и нам пришлось залечь. Вот в этот момент я и увидел сирень. Белую сирень! На этом месте когда-то стоял курор. Во время войны постройка сорвалась, и там осталась лишь несколько валунов да ржавая спинка кровати, сиротливо выглядывающая из крапивы. Давно уже ушли отсюда люди, а сирень, посаженная их руками, простирала наверху свои ветки, давая людям в жаркие прохладный след.

Я оглядел на Белкина и увидел, что он тоже смотрит на сирень. Когда встретились наши взгляды, Белкин молча кинул головой в сторону сиреневого куста. Мы поняли друг друга.

Усталые солдаты неподвижно лежали в цепи. Я осматривал и пополз к сирени. До куста не больше семи шагов. Над ним кружились и гудели пчелы. Казалось, ветки были напоены душистой влагой и, если присунуться к ним, можно и себе набрать немного прохладной росы. Я стал на колени и протянул руку к ветке. Она тихо покачалась. Неповоротливый шмель с темными полосками на желтой спинке лениво полетал по белым соцветиям. Я подумал к себе:

— Это что такое! — послышался вдруг громкий, негодующий голос, и передо мной, как из-под земли, вырос комбат. Лицо его было бархатистым от слоя пыли, глаза сердито блестели.

Никогда еще я не попадал в более глупое положение. Стоя на коленях, я в легкой руке судорожно сжимал карабин, а в правой у меня была залопочуная ветка сирени. Не знаю, что я и сказать хотел в этот момент, если бы не ефрейторник, который как раз в этот время

Рисунок М. Самсонова.

начал контрактку. Я бросился на свое место, на ходу перезаряжая карабин.

Отбих контрактку, мы преследовали «противника» до опушки леса, и здесь был дан отбой. Я положил карабин, снял каску, скатку и лег в траву, пеструшкою неприхотливыми полевыми цветами. После грохота выстрелов и рева моторов как-то странно было слышать тихий шелест листьев и торжолное бульканье ручья, который бежал по каменистому дну где-то рядом. Я очень устал, у меня не было желания даже пошевелить пальцами. Не хотелось думать и о проществе с сиренью. Ветка сирени так и осталась в поле.

Минут через двадцать усталость прошла, и я поднялся, чтобы сходить к ручью. Солдаты кто дремал, лежа в траве, кто покуривал, спрятавшись в тень. Белкин куда-то исчез.

— Белкин! — позвал я его.

— Я! — откликнулся он, словно на поверке, выходя из леса.

Он был без каски, его лицо, омытое родниковой водой, стало розовым и удивительно ясноглазым. Держа руки за спиной, он молча смотрел на меня и улыбался.

— Чему ты радуешься? Клад, что ли, нашел? — Да, клад, — сказал Белкин и протянул мне небольшой букетик ландшей. Влажные от росы, они были похожи на крошечные феррофоровые бубенчики.

— Грива! — воскликнул я в восторге. — Ты молодец из молодых!

— Благодаря за комплимент, — церемонно поклонился Белкин. — Только вот что, дружище, поскольку идея принадлежит тебе, ты и преподнеси. Я говорил с ребятами. Одобрят.

— Становись! — послышалась злая команда, и солдаты, торжолно надев каски, подхватив оружие, побежали к могучему столетнему дубу, который стоял в поле шагах в тридцати от опушки, словно полководец перед своим зеленым войском. Вспыхая я засунул букет за пазуху и еле успел занять место в строю.

Комбат стоял под дубом и молча ожидал, когда мы построимся. Он был подтянут и бодр, как будто не шагал вместе с нами по сыпучим пескам в облаках пыли. На его гимнастерке не было ни пылинки, а сапоги блестящие, словно покрытые лаком. Это чудесное превращение комбата всегда было для нас загадкой. Говорили, что он носит с собой щетку, баночку с гувалином и сушонку, но никому еще не удалось увидеть, как и когда комбат приводит себя в такой идеальный порядок.

Он коротко подвел итоги учения. Выходило, что действовали мы не так уж плохо, хотя могли бы действовать еще лучше. Потом он вызвал из строя двух солдат — пулеметчика и радиста, которые особенно отличились в атаке, и объявил им благодарность.

— Служки Советскому Союзу! — дружно

гаркнули солдаты и, счастливые, возвратились в строй.

— Рядовой Громова! — громко сказал комбат.

— Сначала я не понял, что он вызывает меня, хотя мой одноклассник в батальоне не было. Но когда стоявший передо мной Белкин сделал шаг вперед и в сторону, освобождая мне путь, я все понял. Я вышел вперед и повернулся лицом к строю. «Взыскание!» — подумал я. — И все из-за этой затеи с подарком...

— Рядовой Громова — большой любитель природы, — насмешливо проговорил комбат. — В тот момент, когда батальон готовился отразить контрактку, он, видите ли, любовался сиренью. — Комбат сумрачно покосился на меня и подошел ближе. — А что за вид! — продолжал он, осматривая меня с головы до ног. — Даже пуговица не застегнута... Что с

вами, рядовой Громова? А это что такое? — спросил он, похлопав меня по тому месту, где был спрятан букет ландшей. — Чего это вы себе за пазуху носовали?! Ну-ка, покажите, что там у вас такое!

Я негоржло вытаскил ландшей. Букет немного помялся, но был по-прежнему свеж и душист.

Комбат удивился.

— Ничего не понимаю, — недоумевал он, — то сирень, то ландш... Вы что, батальоник увлекаетесь?

Несмотря на строгий вид командира, я улыбнулся и протянул ему букет.

— Это вам, товарищ майор... так сказать, от солдат... в честь дня рождения.

И тут произошло нечто совершенно неожиданное. Наш суровый, сердитый комбат смутился. Мне показалось даже, что на его лице появилось выражение растерянности. Это было столь удивительно и непонятно, что я так и застыл с букетом в руке. Правда, комбат сразу овладел собой и снова сделался строгим.

— За подарок спасибо, — отрывисто сказал он, принимая букет. — А за нарушение дисциплины деловая вам замечание. Идите.

Белкин сказал, что, когда я возвращался в строй, лицо у меня было такое радостное, как будто мне не замечание сделали, а предоставили отпуск.

г. Ленинград.

Имена людского подполья

Нет ничего удивительного в том, что лишь спустя много лет после окончания войны стало известно о героических подвигах подпольщиков Людинова, комсомольца Каунаса, юных партизан Витеска, Гомеля, Херсона... Люди, по велению сердца подымавшиеся на священный бой, менее всего забылись о том, чтобы их имена не были забыты.

Отстроены разрушенные города и села, запалыми окопы, заросли зеленою черною промислыны пожарищ. Исчезли следы войны. Но с каждым годом летопись военных подвигов пополняется новыми страницами.

Около двух лет назад молодой гродненский журналист Владимир Амилдов обнаружил документы, которые позволяли догадываться о существовании сильной подпольной организации в белорусском городе Лиде в 1941—1943 годах.

В республиканском партийном архиве сохранились бумаги военного времени. Амилдов прочел:

«В отношении г. Лиды имеется хорошая связь в трех местах с комсомольцами... туда регулярно отправляются листочки, газеты и сводки Информбюро, которые распространяются внутри г. Лиды».

Еще одна запись:

«С помощью своих связей в гарнизоне г. Лиды выведены из строя электростанция, поворотный круг и ряд стоек в депо, пять автомашин».

С того дня, когда были составлены эти отчеты, прошло более 15 лет. Кто они, участники этих дерзких операций, живы ли они сейчас?

В поиски включались работники Гродненского облима и Лидского горкома ВЛКСМ. Они побывали во многих городах и селах Гродненской области, где жили люди, связанные в свое время с подпольем.

Амилдову и его друзьям удалось отыскать партизанского руководителя Роберта Сосновского, организатора блестящих по исполнению операций и диверсий. О редкостях деятельности лидской подпольщиков, их смелости говорил хотя бы такой факт: 15 марта 1943 года в гарнизонной столовой народные мстители отравили около сорока гитлеровских офицеров. Ими же был организован побег из города военнопленных на нескольких немецких грузовиках.

Постепенно вырисовывалась картина деятельности отважных комсомольцев Лиды, подвиги которых отныне будут служить нам еще одним примером храбрости и самоотверженности.

Александр Климово.

Анатолий Качан.

вали по фамилии. Сашка носился по депо, размахивая пистолетом, но паровозы продолжали выходить из строя.

Проверив свою боеспособность, молодые лидские подпольцы собрались приступить к более серьезным диверсиям. Для этого необходимо было наладить связь с партизанами. Но партизаны опередили их, сами пришли на помощь к лидским комсомольцам.

«В лесах близ деревень Пудино, Березовки, Василевичи дей-

Мария Костромина.

ствовал партизанский отряд. Комиссар его, Михаил Романович Раденский, имел большой опыт подпольной работы; при лидской Польше он долго находился на нелегальном положении.

Когда подпольный горком партии обязал Раденского связаться с лидской молодежной организацией, он вызвал к себе комсомольца Роберта Сосновского, которого давно приметил как смелого, хладнокровного парня, к тому же отлично владеющего немецким языком.

Роберт охотно согласился отправиться в Лиду.

— Оружие давай, — сказал Раденский. — Дело тонкое, шума не должно быть.

Рабочая слобода Лиды. Тысячи деревянных домовищ, рубленых из белорусской сосны «в лапу» и «в уголок», с неизменными палисадниками и завалинками, на которых когда-то, в довоенное время, вела вечерние гулянки свободамская молодежь. Для пришедшего человека слободка что лабиринт, попадаешь — заблудишься среди одинаковых улиц. Попаши и немецкие солдаты онаслались появляться в слободку.

Здесь, в доме, принадлежавшем Екатерине Михайловне Климово, в конце 1941 года произошло совещание. Собирались сын Екатерина Михайловны — слесарь Шура, Маша Костромина и Мотя Наквашных, работавшие до войны пионерработниками, и школьники Толя Качан и Лена Холевниченко.

Света не загладила, разговаривали вполголоса. На повестке дня у комсомольцев был один вопрос: как жить?

Первые месяцы оккупации жители Лиды свой протест выражали тем, что отказывались служить «новому порядку». Такое только пассивное сопротивление не устраивало комсомольцев. Но что же предпринять? Толя Качан хотел было пробраться через фронт к своим, да не смог, вернувшись.

«Надо научиться нас работать, показать себя немцам с лучшей стороны и начинать тайную войну», — предложил Шура Климово. — Хватит прятаться! Не будем летать».

Проголосовали. Все «зза». Один лишь Лена воздержалась: было не хотел идти к немцам нанимать-

ся, гордость не позволяла. Но его уговорили. Так осенью 1941 года в городе Лиде родилась первая боевая группа, ставшая в дальнейшем основой городской, подпольной организации.

Фашистские оккупанты охотно брали на работу молодых людей. Через несколько дней Толя Качан стал грузчиком, Шура — слесарем паровозного депо, а Лена — смазчиком. Маша Костромина и Мотя Наквашных устроились официантками в офицерскую столовую.

Нелегко было приспуживаться захватчиком. Целыми днями девушки только и слышали от наглых, самодовольных офицеров: «Шнедлер», «Фюа, Машка!». Гарнизонный комендант, кое-как говоривший по-русски, требовал, чтобы ему приносили двойные порции. Маша, как могла, угождала обжору, даже зарезала несколько курей из собственного хозяйства.

В награду за это комендант выписал для Маши пропуск в депо, чтобы она могла подкармливать офицерскими объедками своего жениха.

Эти «женчихом» был Шура Климово.

В депо привыкли к ежедневным посещениям официантки. В кастрюльках под картошкой «в мундире» Маша приносила песок. Шура Климово приглашал к столу Лену Холевниченко и других смазчиков. Обедая, друзья незаметно добавляли песок в масленки. Затем масло с песком поступало в бусы или в цилиндры.

К апрелю 1942 года около депо

скопилось целое кладбище выведенных из строя паровозов. В депо «для контроля» и особого наблюдения был прислан командир охранного батальона, изменник Сашка, презренный выродок, которого даже фашисты не называ-

Фото В. Тейкина.

В этом доме, принадлежавшем Екатерине Михайловне Климово, собирались подпольщики.

Через несколько дней фашисты допрашивали парня в потренированной солдатской шинели. Задержанный отвечал твердо, не ждал, показала документы, удостоверяющие его специальность, — инженер-электрик, объяснил, что к садовому явлению добровольно, пусть герр офицер не удивляется приходу инженера. Он, Роберт Сосновский, поляк, был завербован русскими насилию.

Образ отчаяния Сосновского в паровозное дело чернорабочим. В депо Сосновский завязал дружбу с охранниками, устранив с ними непокой. Утогло из шедрю. В охранном батальоне утвердилось о нем мнение: парень свойский и не дурак выпить, вообще простак. Сам гаварь охранников Сашка благоволил к общительному поляку.

Молодые подпольщики, работавшие в депо, сторонились Сосновского, считая его немецким прихвостнем. Роберт понимал, что связаться с ними, продолжая разгрызвать роль приятеля Сашки, будет нелегко. Но ему помог случай. Однажды он заметил, как Шура никак не может к паровозу, стоящему под парами, и, пользуясь отсутствием машиниста, быстро заправил бумку песком. Шура уже хотел скрыться, но к нему вплотную подошел Сосновский:

— Дай-ка масленку.

Шура сжал в кармане тяжелый ключ: если бы поблизости никого не было. «Все равно друзей не выдам!» — медлил Шура, соображая, что бы предпринять.

— Побойсьте! — сказал Сосновский.

Он осмотрел масло и, наклонившись к Шуру, произнес шепотом: — Надо брать не одну, а две масленки, а то погоризн. А вообще заходи сегодня ко мне на квартиру, поговорим наедине.

Вечером Шура Климко отправился «в гости», приняв при всякой случайности «Ты». Но к оружию ему не пришлось прибегать. Разговор носил самый мирный характер. Роберт сообщил, что он послан в Лиду от партизанского отряда, и хотя позорение командира лядских комсомольцев окончательно не рассеяло, Шура посвятил Роберта в некоторые дела организации, скрыв при этом фамилию подпольщиков.

На следующий день связанной отряда, он же, по фиктивному документу, «староста села Докудово», комсомолец Петр Жуков, принес Ролдечко сообщение о том, что Роберт отсыскал молодых конспираторов Лиды.

Вскоре была проведена операция, которая в отчете, посланном Сосновским партизанам, носила название «Ликвидация главаря охранников Сашки».

Во времена знакомства Климко и Сосновского диверсионная группа в депо пополнялась новыми участниками. В нее вошли работавшие на железной дороге военнопленные Леонид Чернушотко, Василий Савченко, Кузема Тертычный и Семен Павлов. Группа перешла от «пронесования» к более эффективным действиям. Климко и Сосновский, получив от Жукова мичу, организовали взрыв поворотного круга, чтобы задержать отремонтированные паровозы в депо.

Охранники всполошились. От слухов из своей собственности, служивших в батальоне, Роберт

узнал, что Сашка намерен расправиться с военнопленными, которых он подозревал в организации диверсии. Необходимо было обезвредить Сашку. Но как это сделать? Сашка окружил себя охраной из матерых говоровцев, подступиться к нему было нелегко.

Но опять помог случай. В то время как подпольщики разрабатывали план операции, Сосновский получил от солдат-охранников приглашение на свадьбу. — О, то будет гулянка! — сообщили охранники. — Командир будет прощаться с холостяцкой жизнью. А невеста из старого шляхетского рода, настоящая паня!

Сосновский явился на свадьбу не с пустыми руками. Его подарки растрогали главаря охранников. Поздней ночью, когда пьяные часовые резались в карты, Сосновский вывел Сашку на крыльцо избу и осветил ему путь фонариком в глубь двора. Раздвинувшись от пива жених направился в темноту — облегчаться. В комнату, где продолжалось веселье, Сосновский вернулся один, а через четверть часа, когда зашумели женши, четверо охранников нашли его во дворе убитым. В избе стало тихо, когда в горницу внесли тело Сашки. Первым обучая от опеченения Сосновский.

— Партизаны! — кричал он. Пьяные охранники ринулись во двор.

В течение нескольких дней все Лиды говорила о партизанском налете. На заборах, на стенах домов появились листовки. В них говорилось о том, что участь Сашки разделит каждый, кто замечал Родине. Поминал, трусливо озираясь, срывали листовки, но они появлялись снова.

Сашка исчез, но командант городской полиции Брутт продолжал свирепствовать. Будучи лядским жителем, переметнувшимся на сторону захватчиков, он хорошо знал город и его людей. Вызывал в командатуру подозреваемых а пособничество партизанам и пород их плетями, надеясь, что кто-нибудь выдст народных мсти-

Встретились боевые друзья — Роберт Юрьевич Сосновский (справа) и Петр Васильевич Жуков.

Один из руководителей лядского подполья, Гурген Амирханович Мартirosов.

телей. Брутта возненавидели так же, как и Сашку. Нашлась управа и на его.

Руководство подпольной организации: Сосновский, Климко, Костромин — обсудило план дальнейших действий. На этом совещании состоялся и суд над изменником Родине Бруттом. Подпольца приговорили к расстрелу. Было решено, что приговор приведет в исполнение Сосновский.

В воскресенье Брутт, как всегда, отправился в гости. После окончания богослужения, когда народ влоом повалил из костела, Сосновский разрядил свой пистолет в грузное тело команданта полиции. Полицейские бросились было в погоню, но толпа расступилась перед мстителями и тут же сожмулась. Сосновский и его помощник Вася Савченко исчезли. Подпольная организация росла. Группа Роберта Сосновского и Шуры Климко прерзатилась в

Николай ЕФРЕМИН

Живут ребята...

**Живут ребята
в Стране Советов,
Плотины строят, хлеба строят.
И музалею глядят планета.
На серп и молот в руках ребят.**

**Им по душе поездам раним
С котомкой учиться
В целинный край,
И что там средь образования —
Им специальное подавай!**

**Парням девчата не уступая,
Во всем считают себя главней,
Пери лебязки не заспают
Они в приданое для парней.**

**Помочь соседям
Ребята рады,
А чтоб красиво жилось всегда,
Сегодня сплывающие в бригады
Коммунистического труда.**

**Ребятам Партия — мать родная,
С ней по плечу богатырский труд.
Ребята верят твердо знают,
Что к коммунизму они прыдут.**

**И наши недруги видят это:
О нашей силе нельзя забыть...
Живут ребята
в Стране Советов,
Как подобает на свете жить.**

крепкий и сплоченный боевой отряд, каждый боец которого овладел сложным искусством конспирации. Меньше чем за год комсомольцы Лиды перешли из города в партизанский отряд «Искра», действовавший в окрестных лесах, новое пополнение — семидесять восемь бойцов из числа жителей Лиды.

Роберт Сосновский, уничтоживший команданта полиции и удачно скрывавшийся в церковной толпе, вскоре понял, что за ним установлена слежка. По ночерам, возвращаясь в свою холостяцкую комнату, он не раз заставал вещи в беспорядке. К счастью, ни листовок, ни оружия дома он не держал.

Остался ли немедленно уйти в лес Роберт остался. Чтобы отвести подозрение от Сосновского, подпольщики решили немедленно продолжить и усилить диверсионную работу.

Создавалась серьезная остротность. Город был наводнен агентами специального контрразведывательного отряда, прибывшего в Лиду с заданием ликвидировать партизан. На заборах, дорогах были расклеены объявления: «25 тысяч марок, 15 гектаров земли и 5 пудов соли тому, кто поможет поймать хотя бы одного из партизан».

Но никто из лидских жителей, знавших о деятельности подпольщиков, не пошел в нуды. По-прежнему на явочной квартире Шуры Калмык собирався комсомольский штаб в приземистом деревянном доме, был составлен план новой диверсии.

В эти дни в депо развернулось большое строительство. Ремонтируя не успеваля справиться с пирамидами и вагонами, которые скапливались в цехах, и немецкое командование расширяло де-

по. Новый пролет в 400 метров соорудили дихорозными темпами: через два — три месяца его достигли основные законцы. Подпольщики решили уничтожить до-страивавшийся пролет. Грузчик Толя Качан прорезал на стругу два дына — бидон с керосином. Ночью в ливной пролет пробрался и Шура Калмыко. В то время как Леся Холевникова шла на другое конце пролета, подлила шум, отлекая внимание охранника, Шура обляла керосином стелы, стружки, шатающиеся доски. Все пошло на дым. Неотморя на то, что Сосновский был на несколько месяцев изолирован от подпольной группы, диверсия оказалась успешной. Сгорел Лидский депозавод. Вышел из строя подъемный кран в депо.

Самой крупной бойей диверсии, совершенной в декабре 1943 года, была Маши Костромина сумела пронести в депо около пуда сухого мелкого песка, который доставляли в столовую для чистки посуды. Подпольщики железнодороднички засыпали песок в цилиндрическое масло, хранившееся в цистерне. В течение нескольких недель все рабочие, в том числе и немецкие специалисты, добросовестно «трудились» на подпольщиков.

Комсомольцы ликовали: они, по-прежнему победоносно вели войну против оккупантов. Никто из подпольщиков не подозревал, что вражеской разведке удалось наконец напасть на их след. Гитлеровцы решили нанести удар народным мстителям.

Тем временем в подпольную организацию вошло новое боеподразделение — группа военнопленных, обслуживавших городской госпиталь и баню. Группу возглавлял бывший аспирант Института философии Академии наук СССР Гурен Мартиросов. В дни боев под Москвой он, добравшись до партизанского отряда, попал в плен. Но молодой коммунист не сложил оружия: организовал среди военнопленных группу, которая и объединилась с комсомольцами. Группу возглавляла организация уже насчитывала свыше сотни человек.

Теперь она была способна на серьезные операции. Ей поручили ответственное задание: вывести из строя узловою электростанцию. Так как городская станция уже была разрушена, то авария на узловою должна была прекратить все работы на железнодородном узле, в Лидских аэрионах мастерских и на топливном складе.

Получив задание, Сосновский, который уже слыл среди партизан человеком безстрашным и выносливым, предложил Хазнету — гебиткомиссару — Лиды. Это был рискованный шаг, но Роберт уже знал по опыту, что смелость нередко ошарашивает противника и позволяет добиться успеха.

Роберт поразил гебиткомиссара своим чистым немецким произношением.

— Полагаю, что власти могут использовать меня по прямому назначению,— сказал Роберт.— Я инженер-электрик, полагаю в депо, получая очень малую плату. Где вы видели, герр шеф, инженера, который не может позволить себе кружку чая вечером? Война войной, но я молод, мне хочется жить!

Гебиткомиссар сочувственно рассмеялся.

— Инженеры нам нужны. Ты фельдшер? — Нет, поляк, но я долго жил среди немцев.

Хазнет пошел с минутой: — Ладно, подумай на электростанцию кочетаром. Пусть немецкий инженер посмотрит, на что ты способен.

Петр Жуков передал Сосновскому зривачку, посланную партизанами. Зривач был назначен в ночь с 15 на 16 марта 1943 года. Однако вечером 14 марта Роберт отказал от зривачки, работавшей при гебиткомиссарате, о готовящихся арестах. Эта переводчица (фамилия патриотки до сих пор не удалось установить), по инициативе подпольщиков раз вырвала комсомольцев Лиды из бедлы, рискуя своей жизнью.

Обсудив положение, руководители лидского подполья — Шура Калмыко, Роберт Сосновский, Мотя Наказахы, Маши Костромина — решили пойти на отчаянный шаг, чтобы отвлечь внимание гитлеровской охраны и задержать аресты.

Военнопленные из госпитальной группы передали Маше Костромину, по-прежнему работавшей в офицерской столовой, сильнейшую, без запаха и вкуса яд.

Маши высунула яд в кончик языка.

Она немедленно отправилась на явочную квартиру в рабочей слободке, откуда ее переправили к партизанам «Искра». Через два дня — тридцать три минут по городу одна за другой поехали санитарные автомашины. Сорок офицеров с тяжелым отравлением были доставлены в госпиталь. Паника охватила весь лидский гарнизон. Пользуясь растерянностью охраны электростанции, Сосновский подождал под самую мощную турбину, чтобы биффором шум и скрылся, спускаясь охранника.

Бегство группы военнопленных было тщательно продумано. Под вечер к баруку подошли две машины — в них лидцы были пропущены без дела. На жд были высланы Кошкандата, который вынул автомобиль из госпитального двора, убрал без шума. Полицейские и военные патрули не обратили внимания на автотранспорт, поскольку там же ездили в баню были обычными.

Ускользнув от преследования фашистов, Роберт Сосновский, Гурен Мартиросов, Маши Костромина, Васильев Савченко и другие участники лидского подполья собрались наконец не на явочной квартире, а в партизанской землянке. Их окружили свои.

В Лиде осталась часть подпольщиков: в основном кадры, были хорошо законспирированы и находились вне подозрений охраны. Первое время лидские патриоты успешно продолжали диверсионную и разведывательную работу. Затем начались аресты.

Вот список героев лидского подполья: секретарь горкома ВЛКСМ

Вася Шубин, коммунист Михаил Николаевич Игитов, отец Толи Качана, Гаврило Кочетаров и Качан, связанные партизанского отряда Леся Холевникова, Лидя Аверьянова, ее брат Павел, Ксения Федорова, Александр Виноградов, Михаил Бороздин, Елена Абрамчик. Шура Калмыко, Мотя Наказахы и Толя Качан, в течение нескольких месяцев скрывавшийся от гитлеровской разведки, в конце мая попали в руки гестаповцев и подверглись мучительным пыткам были расстреляны.

Долгое время оставалось непонятным, каким образом фашистской разведке удалось обнаружить подпольную организацию и проинести массовые аресты тех, кто не ушел к партизанам после взрыва электростанции. Лишь три года тому назад в Средней Азии была разоблачена прокататор Л. И. Акуленко, выдавшая гестаповцам лидских подпольщиков.

Как же сложилась судьба тех подпольщиков, которые ушли в лес и вступили в партизанский отряд? Многие из них пали в боях с фашистами. Под Жемиславом погибли бывшие военнопленные, осуществившие ряд диверсионных операций: Савченко и Семен Павлов. Маши Костромина, отчаянная руководительница подполья, весной 1944 года погибла, прикрывая установку своего отряда. Активные участники подпольной борьбы Каула Комарова и Григорий Галенчик пали при освобождении Варшавы.

В живых остался Роберт Сосновский, Гурен Мартиросов, Петр Жуков, Леонид Черюсюков. О судьбах многих подпольщиков до сих пор ничего не известно. Работа по изучению лидского подполья продолжается.

До сих пор по Лиде и ее окрестностям ходят легенды о подвигах безстрашного Роберта. Но не многие знают, что нынешний главный инженер горкома человек с малой мирной профессией,— это и есть тот самый Роберт Сосновский, который во время войны организовал ряд смелых диверсий. По-прежнему крепко дружат Роберт Юрьевич и его бывший связной, староста села Докузово, Петр Васильевич Жуков, ныне начальник пожарной охраны консервного завода в Лиде.

Когда в 1943 году власть была освобождена Советской Армией, вернувшись из лесов партизаны принялись за восстановление разрушенного войной города. Одним из тех, кто был в Гурен Мартиросов, для которого Белоруссия стала второй родиной. Сейчас он секретарь партийной организации Гродненского педагогического института, кандидат философских наук.

Окупанты надеялись на то, что жители Белоруссии встретят их сдовольным отношением к партизанскому. Но земля горела под ногами захватчиков. Жители белорусских сел и городов азались за оружие. Среди народных мстителей были тысячи женщин, вышедших комсомольцами. Незабываемую страницу в историю борьбы против захватчиков писали молодое патриоты Лиды.

Память тех их подвигам не померкнет никогда.

В. АМПИЛОВ

г. Гродно.

Д. Шаринов.

В. И. Ленин на параде Всеобуча

Л. Стыль.

Комсомольцы.

П. М а л ь ц е в. Штурм Сатунгоры.

СВЕТЛАЯ СУДЬБА

Фотоочерк Г. Дубинского.

Кандидат в депутаты Верховного Совета Российской Федерации Лидия Ивановна Малова встретилась со своими избирателями.

1 марта — выборы в Верховный Совет РСФСР. Воодушевленная историческими решениями XXI съезда КПСС, советская молодежь встречает день выборов новыми производственными подвигами Родины. Годы величайшими успехами, достигнутыми под руководством Коммунистической партии, она единодушно отдала своим голоса кандидатам неуклонного блока коммунистов и беспартийных. Среди кандидатов этого блока закройщица обувной фабрики «Париксида коммуна» Лидия Ивановна Малова. Судьба ее — судьба сотен тысяч простых людей, которым Октябрьская революция дала право

на труд, на образование, право избирать и быть избранными в верховные органы государственной власти.

Шесть лет назад Лидя Малова, окончив школу ФЗО с похвальной грамотой, восемнадцатилетней девушкой пришла на фабрику. Трудолюбием, смирностью, отличной работой она завоевала уважение коллегам. Малову назначили бригадиром комсомольско-молодежной бригады. С каждым годом росла квалификация закройщицы. Общественную работу в чеховом комитете ВЛКСМ она сочетала с учебной в вечерней школе-десятилетке. В 1951 году Лидия Малова была избрана депутатом Моссовета, активно работала в его промышленной секции. Прошло несколько лет, и ее избрали депутатом Верховного Совета РСФСР. С честью исполняла молодая коммунистка оказанное ей высокое доверие, проявив на посту государственного деятеля большую чуткость и нуждам избирателей. Недавно коллектив фабрики вновь выдвинул Л. И. Малову кандидатом в депутаты Верховного Совета Российской Федерации.

Четырехлетний Сержица не может быть в прелезии: мама уделяет ему много внимания.

Труд закройщицы требует творческой выдумки. Материал, из которого изготавливается обувь, никогда не бывает одинаковым — каждый раз надо принимать новое решение.

Вместе работают, вместе учатся Лидия Ивановна и ее муж. Вот они направляются с фабрики на занятия в институте.

Закройщица будет инженером. Она учится на вечернем отделении Московского технологического института легкой промышленности.

В ДОРОГЕ

Из венских рассказов*

зин, мало-мало. А подставляет ладонь перед глазами. И уж так проклинает шфера-скрюгу, скорчит такую страдальческую мину, ну разве откажешь? Бензин теперь дороже вина. Пять литров — это уже Рунцелло добрый рейс «налево». Да пусть подработает, шофер шофера должен выкрутаться.

Но в этот раз, наверное, что-то не так: рука Рунцелла переазана. Надо остановиться.

Ну, что, Рунцелл?
— Домдрат, домдрат... забыл дома... тарачит глаза, видно, уже свежего пива попробовал, и кивает на смешное здание колесо. Покурил со стола палычем у лба: битте-дриттел. Голову бы дома забыл!.. Но домдрат все же выпятил.

Пока прилидели, колесо поднял, Рунцелл еще и попуты выпросил — она у него, Бражинка, новейшего образца: подлочище к мотору — и самый большой скат в пять минут готов.

Уже когда сваливались инструменты, Бражинкн вспомнил о перевязанной руке Рунцелла.

— Рука болит, кранит!
Рунцелл подкинул:
«Рука болит, кранит!»

Ну тут, правда, вырвалось крепкое русское слово... а Бензин — то дело другое, а за такое среди шоферов положен добрый «бенефис». Но это между собой Рунцелл поведает, платочком, снятым с руки, и потянул свою фура, а Бражинкн опоздал на целых двадцать минут. Когда заехал во двор, машины всей роты уже стояли в гараже. Лейтенант нервно покусыла сигарету, ожидая Бражинку у дверей.

Нет, хватит! Уже научен. Сегодня едет с опережением графика на добрых полчаса. Еще успеет свою «зеленую голубку» поглядеть тряпкой по кожежу — туалет найдет, даст остынуть мотору и сам передохнет: что-то в горе дерет, глотит в горлах студеной водички. Но это не беда, и чхать ему сегодня на шлагбаум: на пачке сигарет новое расписание движения поездов. А Рунцелл, хитрец, пусть хрьт голову обвяжет — хватит!

И гауптвахта для шофера не такая уж беда: можно послать анекдоты послушать. Наползаешься другой раз под машиной на мокрой дороге, сотню раз Восьмичуникн придет пошуметь. Но все же «губа», а на шофер-стотысячник!

Свет фар упирается в чай-то кузов. Битте-дриттел! Так это ж пивная фура Рунцелла! Летит сорывоголо, словно ошумелый, бонится, чтобы он, Бражинкн, не догнал, не напомнил о бензине. Чудак! Бражинкн тебе не венский таксаторские-апутта... Рунцелл... да что там, чинь здесь такос: или ты обитришь, или тебя обитрият! Но черт с ним, с этим мужик миром! Нравится людям, пусть себе так и живут. Еще пять месяцев — и

сдаст он свою голубку шоферу, который его заменит, упакует чеподничок и сядет в вагон.

За Киевом, когда поезд проедет Днепр и повернет на юг, начнутся степи. А утром дохнет в лицо влажный ветер с Азовского моря, раскинется бескрайнее желтое пшеничное поле. И где-то там, на краю этого поля, затерялся садик из молодых абрикосов. А над самым морем Белая хатка, как чайка, свешая отдохнуть, и смуглая девушка в полинявшей голубой косынке, облицованная солнцем, морскими ветрами и три года не целованная им. Эх, Маринка, Маринка!

Снег перестал. Дорога бежит сплошным коридором среди высших елей. В густых ветках путается ветер, глухо и сердито свистит. За изгибом дороги в долине, на далеком бугорке, замелькал огонек шлагбаума. Тусклый свет машины Рунцелла скользит по выбеленному снегом асфальту.

И вдруг вперед из тьмы, словно в сказке, выросли черные круторогая коза и сгорбленная старушка с хворостинкой. Коза вырывается, бабка тянет ее за веревку на обочину. Рунцелл не уменьшает скорости, и его дурнон вскоре закрыл дорогу.

Когда подъехал Бражинкн, коза лежала, растянувшись на дороге, и жалобно блеяла, ее задняя нога была неподвижна, как палка. Бабка склонилась над козой и краешком платка вытирала глаза. А за машиной Рунцелла только зылась снежная поросль.

Остановил Бражинкн машину, не выключая света, вышел из кабины.

Бабка и глазом не подела.
— Моз кошачья!.. Бедная кошечка... причитала сквозь слезы.

Притронулся Бражинкн к перебитой ноге, коза притихла и посмотрела на него утомленным от боли глазами. Старуха стояла грустная и безразличная. Не скинула кулак, не грозила палкой вслед Рунцелло, не кричала. И в этом тихом горе старой женщины было что-то трогательное, что-то такое, что брало за сердце.

Но время шло. Снова шел снег. Старуха, наверное, не близкая дорога. Как домой доберется? Коза и шкутыльгать не может. И чтобы хоть что-то сказать, спросил:

— Где... дом?
— Нидерфлюсдорф... десять километров,— проговорила старуха тихо и подняла голову. У Бражинка нос большой, как шишка, мохнатые брови, жесткие черные волосы. Недаром хлопцы говорят, что, когда красу боу делит, его не было дома. Глаза бабки засветились недоброму. И Бражинкн, не раздумывая, взялся за дело. Ввалил на плечи козу, осторожно положил в кузов, открыл дверцу кабины:

— Прощу!
Бабка нерешительно ступила шаг и остановилась.

— Нет денег... Ни одного шиллинга...

— Хорошо, хорошо...
— О, нехорошо, нет,— старуха улыбнулась и подошла. Помог ей сесть в кабину, спросил, куда, и осторожно свернул вниз направо, вдоль берега шумливой речушки.

У старухи выскози слезы. Но склятые в итоточку губы, опечаленное лицо говорили о том, что на душе у нее не очень весело. Украдкой взглянула на шофера и, вспомаг себе жесткими, минимой, заговорила. Как он понял, дома у

Рисунки В. Орлова.

Рано темнеет в этих краях зимой, так рано, что уже в шестом часу приходится включать фары — люкумилаторов не налещешься... Поздн, из Алы выползает тяжелая, свищовая туча и свет снежнику крупну на вышущенный морозцем асфальт. Пружинисто шуршит новая резина на колесах. Легко слушается руля, грузовой «ЗИС» снова поднимает под себя километр за километром. Пятая сотня с утра, десятый рейс! Утомленные руки расслабленно лежат на баранке послушного руля. Сегодня полный порядок. Безусый лейтенант Восмьшукни, новый командир автототы, не будет кричать: «Старый славой живевет, водителы Бражинкн! Распустили вас!».. Но астричекн застрмиваетесь... Я порядок в роте наведу! Это раз — и на гауптвахту!

Собственно, никогда он, Бражинкн, не нарушал графика. Вот только эти два дня подряд, черт бы их побрал! Но не в его характере оправдываться, тем более когда тебя и слушать не хотят. А подкинуть какой-нибудь застенчивой астричке, которая сама краешком глаза зыркает на тебя, — небольшой hazard: службе не мешало бы — и порядок. Устав этого не запрещает. А гауптвахтой лейтенант может пугать, не страшно. Правда, за три года службы сидеть еще не приходилось.

...Позавчера подвез тот проклятый шлагбаум. Никогда в эту пору не бывало поездов. Патнедять минут прототрал! Совсем рядом огни автобатовского гаража, а что подаеваются! Слева и справа от шлагбаума железнодорожные насти, обхеда нет.

А вчера задержал этот растапа Рунцелл — шофер пивного завода. Подвезил уже к Обердоруфу. Глядь, «загорает» Рунцелл со своей фурой, нагруженной шашками с пивом. Размазывает перевязанной рукой. Поводки Рунцелла известны: только заметить, что поезде советская машина идет, загорит дорогу и кличнт: «Товарищ начальник, очень прошу бен-

* Действие этого рассказа относится к периоду пребывания группы советских войск на территории Австрии.

ГДЕ ЖЕ ВЫ, ДРУЗЬЯ-ОДНОПОЛЧАНЕ?

нее десяток кур, была коза-чернявка... А сама она на белом свете одна-единственная. Улыбля и тревожно заглянула через окошко в кузов, где лежала коза.

Через несколько минут Бражкин остановил машину около такой же старухи как бабка, затенен с покосившейся крышей. Тоскливо скрипела на ветру открытая дачка, и во всем этом тихом дожде было что-то смиренное и жалкое.

Старуха засуетилась, открыла дверь, заглянула свет. Поддерживала за ногу козу, пока Бражкин нес ее в дом и опустил на тропиль. Молода стояла над сапой червячковой и вздыхала. За стеной копошились потревоженные спростыня куры, сердило ворчал петух.

А время шло. Глянул на часы, кашпину, потом-таки действительно заглянулся в горле сильно царапало.

Бабка спохватилась:
— Краней! Больно, Йой, ой! Млеко. Млеко гут!... и заспешила на кухню, заремела там посудой, наверное, собиралась греть молоко.

Оставалось двадцать пять минут. Бражкин бросил на кухне «Доброй ночи» и выскочил к машине. Уже трясло от дождика, увидел как выбежала бабка к калитке с кушачком в руках.

Снег повалил густой, мягкий, пушистый, и — битте-дритте! — перед самым шоссе забуксовало заднее колесо. Одно, потом другое. Садил назад, взял рычаг — ничего не выходило! Подложил фуражку, хорошо что старшины вблизи нет, а то попаля бы на орехи! З, что одна фуражка, тут бы их десяток! Что ж, надо брать за цепь.

А снег все лепит козла. Мокрая резина, цели скользят меж палцами... Так всегда, когда спешится... Не закрылся в дверцу, включил мотор и дыхание застыл — нет, на этот раз тронулся с места.

Под колесами уже шоссе. Который же час! Всплыв на освещенный циферблат. Ну вот, уже восемь. Помахай, Бражкин, графика платоком — и... здравствуй, гауптвахта!

У ворот лейтенанта не было. Прошел тихо, без сигнала. Около гаража ожидал старшина. Может, пронесет.

— Прибыл!
— Прибыл, товарищ старшина.
— Прибыл на губу?
— На губу так на губу...

— Поздравляешь и собирайся. Сутки заработал... Приказ лейтенанта, знаешь... Старшина глянул на его грязные сапоги и протянул пачку сигарет... На, покуришь, чтоб два астричка дома не грустила.

— Товарищ старшина, какая там...

— Знаю, знаю... перебил старшина. Погода, только вдобавление... Иричка, пока лейтенанту на глаза не попал.

Утром старшина зашел на гауптвакту.

— А там твои астрички около прокодной уже час очокаиваются. Знать ничего не хочет, подай ей шофера с большим горлом. Молоко принесла и никому не дает. «Вас... говорит... много, на все не имеем... Иричка, ну... Иди вольми, дай в другой раз молоденькую подбери!

Оба горько рассмеялись.

Перевел с украинского
А. БЕЛАНОВСКИЙ.

В 1941 году в сентябрьском номере «Смены» была опубликована фотография. Ополенные — отец и сын — в новой форме запечатлелись фоторепондентом. Под снимком несколько строк:

«Вы видите двух бойцов ленинградского народного ополчения: Меласика Кировского завода В. О. Цилюсани и его сына Игоря, студента электротехнического рабфака. В годину тяжелых испытаний они оставили свои мирные профессии, чтобы с оружием в руках защищать свой прекрасный, славный Ленинград.»

«Как сложилась судьба этих людей? — поудал я.— Живы ли они? Где работают?»

Мне удалось отыскать адрес Игоря Цилюсани. Он живет в Ленинграде, близ Нарвских ворот.

— Вы знаете, — сказал он, когда мы встретились, про фотографию в «Смене» мне еще тогда рассказывал, но я вижу ее впервые. Слышал, что даже в иностранных журналах ее перепечатавали.

Игорь рассказал о своем отце — Варфоломее Окропировиче: в гражданскую войну он командовал красногвардейским полком, защищаясь против армий Питера, а в 1941 году, когда над городом снова нависла угроза, одним из первых вступил в ряды ополченцев и всю Отечественную войну был на фронте. В 1945 году Варфоломей Цилюсани вернулся в Ленинград, вновь занялся мирным трудом. Но годы взяли свое: пять лет назад Варфоломеем Окропировичем умер.

Младший Цилюсани, Игорь, в военные годы стал шофером. Теперь он работает на грузовой машине 1-го ленинградского автопарка и считается там одним из лучших водителей, ежемесячно выполняет задания. Игорю Варфоломеевичу часто поручают ответственные рейсы в Москву, Горький, Новгород. В таких поездках порой приходится по 10—12 часов не выпускать «баранку» из рук, но Игорь справляется: сказывается фронтовая закалка.

А вот другая фотография. Парни и девчата в лихо заломленных кубанках и шивах-чмахах, перелаченных алыми лентами... Это юные мстители города Ленина. Их портреты «Смена» опубликовала в номере 7—8 за 1944 год.

«Смена» тактично конюшею, — написало под портретом издательство Владимир Игорев в партизанский отряд. От пулеметчика командира полка — такой путь, проделанный молодым патриотом. Его отряд истребил около 3 тысяч немцев, разрушил 25 километров линии связи, подорвал десятки вражеских автомашин. Отважному парижскому командиру присвоено звание Героя Советского Союза.

С Владимиром Васильевичем Егоровым я встретился в Высшем военно-морском училище имени Г. Э. Державинского в Ленинграде, куда он пришел прямо из

партизанского отряда. Егоров — старший научный сотрудник училища. Недавно он защитил диссертацию и получил высшую кандидата технических наук.

Сдержанный, застенчивый, Владимир Васильевич с неохотой рассказывает о боевых делах, пытается отделяться шутками:

— Была у нас одна история с курами... У фашистов в Угрюмовской командатуре служил переводчик по прозвищу «Рыжий». И вот как-то раз этот «Рыжий» направил в занятые партизанами село записку, адресованную волостному правлению, которого и в помине не было. Он требовал немедленно

Провлаженный партизанский командир Владимир Васильевич Егоров (см. верхний снимок) стал инженер-майором, преподавателем Ленинградского военно-морского училища имени Державинского. Недавно в кругу своей семьи он вспоминает суровые дни боев под Ленинградом.

прислать в немецкую командатуру 75 кур. Командир партизанского отряда послал предателю такой ответ: «Разве ты не знаешь, рыжая собака, что у нас нет волостного правления, а есть Советская власть? Вместо 75 кур посылаю 75 партизан, они с тобой рассчитаются.»

Немало воды утекло с тех пор, как Владимир Васильевич Егоров и его товарищи-однопольчанине отпраздновали победу над врагом. Но партизаны по-прежнему связаны тесной дружбой. 6 марта этого года они соберутся, чтобы отметить 15-летие со дня возвращения партизанских отрядов в родной город.

Прошло более семнадцати лет с тех пор, как Игорь Цилюсани вместе со своим отцом (снимок справа) вступил в ряды народных ополченцев. Сейчас Игорь Варфоломеевич работает шофером 1-го ленинградского автопарка.

тизанных отрядов в родной город. Они вспоминают былые и наверняка сплуют свою любимую песню, которую часто пели в грозные военные годы:

Все, как один, поднимались в день суровый,
Сын и отец с выпивокой,
В темных лесах от Луны на плече,
И до Пскова
Смерть наступала
всюду палачей.

И. ПУРЦЕЛДЗЕ
г. Ленинград.

Новости космонавтики

2 января 1959 года запущена космическая ракета в сторону Луны. Сегодня эта ракета известна всему миру как искусственная планета, созданная советскими людьми, движущаяся по своей орбите вокруг Солнца. Мы попросили П. И. Попова, профессора-астронома, члена президиума Всесоюзного астрономического общества при Академии наук СССР, ответить на несколько вопросов.

ПОЧЕМУ НАША КОСМИЧЕСКАЯ РАКЕТА НАЗВАНА СПУТНИКОМ СОЛНЦА?

Советская космическая ракета была запущена в сторону Луны. Чтобы долететь до Луны, космический снаряд должен преодолеть земное притяжение. Земное притяжение! Это великая сила. Никогда до сих пор (до 2 января 1959 года) ни одно тело не вырвалось из плена Земли. Полет к Луне до этого дня оставался делом писателей-фантастов.

Многочисленная космическая ракета с выхлопом, на котором красуется Герб Советского Союза, по заданной программе вышла на траекторию движения к Луне. Получив необходимую вторую космическую скорость, она вырвалась из зоны тяготения Земли, достигла зоны Луны, вошла в зону тяготения Солнца, где навечно «обособилась» на своей орбите, подчиняясь законам небесной механики.

Впервые за миллионы лет у Солнца появились еще один спутник. Спутник необыкновенный, выванный руками человека.

Мы сказали, что для того, чтобы преодолеть страшную силу земного притяжения, нужно было сообщить космической ракете вторую космическую скорость. А что такое вторая космическая скорость?

Год с небольшим назад мир узнал о несравненном подвиге советской науки — запущено искусственное космическое тело. При этом впервые в мире была достигнута первая космическая скорость — 8 километров в секунду. Тело, запущенное с такой скоростью и выведенное на орбиту, не падает на Землю, оно вращается вокруг нее на правах спутника. Если этому телу сообщить вторую космическую скорость — 11,2 километра в секунду и более, оно в своем полете по заданной траектории способно улететь на Луну, на Марс, на другие планеты солнечной системы.

И вторая космическая скорость впервые достигнута в нашей стране. Как известно, американцы четыре раза пытались запустить ракету к Луне, но неудачно. Не получив нужной скорости, ракеты падали на Землю.

Велик сейчас интерес к новой планете. В связи с ее существованием возникает много разных вопросов. В сообщении ТАСС было сказано, что «ракета пересекает восточные границы Советского Союза». Интересно, почему при запуске послали ракету в восточном направлении? Разумеется, это не было случайно. Ракете легче вырваться в межпланетное пространство при движении с запада на восток. Со школьной скамьи известно нам, что Земля вращается вокруг своей оси в этом направлении. Таким образом, получилось сложение двух скоростей, ракета полыхала как будто по течению.

Искусственную планету крепко держит в своих объятиях наше дневное светило. Его притяжение в 14 раз сильнее земного. Оно не позволит новой планете улететь в межзвездное пространство. А может ли она упасть на Солнце?

Нет, не может. От этого ее спасает скорость движения по орбите. Новая планета мчится со скоростью в среднем около 28 километров в секунду и лишь немного отстает от Земли.

Искусственный спутник Солнца совершает свое движение в космосе по строго очерченной тангому пути — эллиптической орбите, находящейся между орбитами Земли и Марса. Уже вычислена длина орбиты нового спутника Солнца. Она равна 1 079 миллионам километров. 14 января спутник проходил через перигелий — точку орбиты, находящуюся ближе всего к Солнцу, а именно 146,4 миллиона километров. В начале сентября 1959 года спутник пройдет через афелий. Эта точка орбиты удалена от Солнца на 197,2 миллиона километров. Она самая дальняя.

Полный оборот вокруг Солнца по орбите новая планета сделает приблизительно за 15 наших месяцев. На 3 месяца ее год длиннее земного.

Искусственный спутник Солнца прибавил немало работы астрономам. Сколько тут разных вычислений! Разве не интересно знать о том, встретится ли новый спутник Солнца со своей матерью Землей? Новая планета вернется к точке старта. Но где будет в этот момент Земля? Разумеется, столкновения не произойдет. Земля в этот момент будет где-то в другой точке орбиты.

ПОЧЕМУ КОСМИЧЕСКАЯ РАКЕТА ЗАПУЩЕНА К ЛУНЕ?

Луна — естественный спутник Земли, ближайшее к нам небесное тело. Три с половиной века назад на Луну впервые направил свой самодельный телескоп знаменитый Галилео Галилей. С тех пор это таинственное ночное светило не перестает привлекать внимание астрономов.

Луна делает оборот вокруг Земли за 27 суток 7 часов и 43 минуты. Массы вокруг нашей планеты, она в то же время медленно поворачивается и вокруг своей оси. При этом она показывает Земле лишь одно свое полушарие. Астрономам ни разу не наблюдали всего лунного шара. А что там, на другой сто-

роне Луны, неизвестно. Нужно полетать вокруг нее. Только так и удастся обозреть видимое лунное полушарие.

День на Луне довольно длинный. В нем 14 с половиной земных суток. Поэтому Солнце сильно нагревает дневную половину Луны. Жара достигает 120 градусов. А ночью, которая длится столько же, сколько и день, температура падает до минус 150 градусов.

Масса Луны в 81 раз меньше земной. Вещество, из которого состоит тело Луны, в 3,3 раза плотнее воды. А порода верхнего слоя лунной коры и того легче.

Представьте себе, что вы оказались на Луне. Там вы почувствовали бы свою легкость. Вы смогли бы там не ходить, а прямо летать. Отчего это? Все предметы на Луне должны весить в шесть с лишним раз меньше, чем на Земле. Вот какова сила тяжести на Луне.

Мала сила тяжести на Луне, поэтому это небесное тело не смогло удержать частицы газа, движущиеся с высокой скоростью. Давно на Луне исчезла газообразная оболочка. Лунная атмосфера в миллион раз более разрежена, чем земная. Практически нет летательных аппаратов. Практически там нет атмосферы и воды в жидком состоянии. Нет там ни ветра, ни бури, ни росы, ни дождя.

Небо на Луне черное. Всегда на нем блещут звезды, даже при полном солнечном сиянии.

Своеобразен лунный рельеф. Астрономам сумели разглядеть на Луне высокие кольцеобразные горы, равнины, вулканические конусы, кратеры. Из глубины трещины лунных недра вырываются газы. Это явление удалось недавно проследить ученым Пулковской обсерватории. Предполагает, что извержение газов вызовет на Земле магнитные бури.

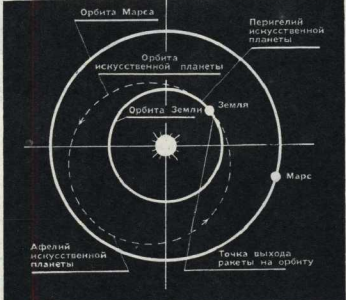
Многого стало известно о природе нашего естественного спутника. Но надо знать о Луне значительно больше. Думается, не так далеко тот день, когда человек ступит на лунную поверхность. Но до этого нам предстоит довольно обстоятельно изучить, исследовать это небесное тело. Советская космическая ракета, пущенная в сторону Луны, явилась разведчиком места, откуда человек сделает прыжок в глубь Вселенной. Луна, без сомнения, станет аванпостом, первой станцией на пути к звездам.

КАКИ ИССЛЕДОВАНИЯ БЫЛИ СДЕЛАНЫ С ПОМОЩЬЮ ИЗМЕРИТЕЛЬНЫХ ПРИБОРОВ, УСТАНОВЛЕННЫХ В КОСМИЧЕСКОЙ РАКЕТЕ?

Как известно, на космической ракете действовали уникальные радиоэлектронные приборы. Работала целая космическая лаборатория. Она доставила на Землю ценные научные материалы. Сейчас над ними работают ученые. Скоро мы узнаем много нового о Луне и окосмосном пространстве Вселенной.

Космической ракете было «поручено» прощупать Луну со стороны ее магнитных и радиоактивных свойств. Очень важно знать, есть ли магнитное поле у Луны. Великий русский физик П. Н. Лебедев в свое время высказывал интересную мысль о причинах магнитного поля Земли. Правда ли, что магнитное поле Земли вызвано вращением планеты вокруг оси? Если это так, то магнитное поле будет обнаружено и у Луны. Ведь Луна тоже вращается вокруг своей оси. Возможно, что это исследование прольет истинный свет на природу земного магнетизма.

Межпланетное пространство пронизано мощными потоками космических лучей, но до

Расчетная орбита искусственной планеты относительно Солнца.

Солнце

Земли от них доходят лишь вторичные ядерные «ливни». Вокруг земного шара существует гущинное газообразного пояса космического излучения повышенной интенсивности. Есть в межпланетном космическом пространстве метеорные частицы, летящие с огромной скоростью, отдельные молекулы, атомы. Все это невозможно исследовать на Земле. Межвет магнитное поле Земли и атмосфера.

Советская космическая ракета прошла от Луны на расстоянии 5—6 тысяч километров. Никогда еще естественный спутник Земли не был исследован с таких близких подступов.

3 января астрономы могли наблюдать на небе первую искусственную комету. Ее выпустила ракета. На высоте примерно 110 тысяч километров испытанию, засветилось нитриевое облачко. Это интересное явление наблюдалось среди созвездий Волноса, Девы и Весов. Оно позволило сфотографировать ракету и уточнить ее местоположение в этот момент.

КАКОВЫ ПЛАНЫ БУДУЩИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЛУНЫ!

Пока лишь сделано начало. За первой космической ракетой в сторону Луны полетят другие. Мы будем свидетелями, очевидцами штурма Луны силами советской науки. Какие же первоочередные задачи дальнейшего изучения Луны с помощью ракет? Никто еще не видел обратной стороны нашего ночного светила. Телевизионное устройство, посланное с будущей ракетой, раскроет нам лицо невидимого лунного полушария. Вместе с телевизором будут посланы мощные фотокамеры, позволяющие сделать снимки лунной поверхности с большим увеличением. Такие исследования покажут нам истинный облик Луны, ее географию.

Большой интерес представляет для науки изучение метеоритных потоков, падающих на Луну, и вулканические извержения. А каково состояние вещества на Луне при отсутствии воды, при малой силе тяжести, при мощных потоках космического и солнечного излучения и резких колебаниях температур? Но, самое главное, предстоит определить условия пребывания человека на Луне. Разумеется, такое исследование Луны возможно только в случае посадки ракеты на ней.

Сколько веков люди смотрели на звездное небо, лелея дерзкую мечту — полететь туда! И вот сделан первый шаг к звездам. Проложен первый путь к Луне. Свершилось великое дело! Состоялось в нашей стране! Космическая ракета была создана коллективом советских ученых, инженеров, рабочих. Какие же трудности преодолели эти люди! Надо было найти горючее, такое же в себе неслыханную прочность, рассчитать с полной математической точностью траекторию, скорость полета. Малейшая неточность, микроскопическое отклонение обернуло дело на провал. Советские люди создали космический снаряд — чудо техники — и продемонстрировали его перед всем миром.

Дело здесь не только в высоком уровне развития отечественной техники. Самое главное заключается в совершенстве советского общественного строя. Один из наших зарубежных друзей сказал:

— Мы не знаем состава топлива, с помощью которого движется ракета. Ну и пусть, оно останется тайной! Зато я знаю самое главное: топливо. Имь ему — социализм!

Советская
космическая ракета

ЛУНА

6 000 км

СССР, 4 января 1959

384 000 км

300 000 км

СССР, 3 января 1959

200 000 км

Вспышка
искусственной
кометы

США.

11 октября 1958 — 128 000 км

100 000 км

США, 6 декабря 1958 — 102 000 км

СССР, 2 января 1959

США 8 ноября 1958 — 1600 км

США, 17 августа 1958

Взрыв через 77 секунд

ЮНОСТЬ БОЕВАЯ

Юрий ВЕРНИК

На полигоне

Тишина. Рубежи огневые.
Мы с полковником нашим вдвоем.
Мне доверили нынче впервые
Управлять орудиями огнем.
Мне уверенность чувствовал надо,
Надо робость завить на закон...
Под тревожным, заботливым взглядом
Собираю я волю в комок.

Вы представьте, что здесь огневая,
Что враги устремились вперед —
Шелест сухарных трав нарушая,
Батарея сейчас залпует.
Я команду я рупор сурово
И за целью слежу с высоты,
Ведь не ради красивого слова
Доложить: готовность посты.
И хотя мой противник условен,
Он теперь не уйдет от огня.
И застыл за спиной... не полковник —
Это Родина верит в меня.

Николай ФЛЕРОВ

В синей фланелевке юность твоя

Словно ничто не менялось инскольно...
Море вокруг.
Я на мостик встаю.
Хочется крикнуть от радости:
Колька!
Это вернулся ты в юность твою!

Это тебе сейчас,
Как в тридцать пятью,
Надо бежать по тревоге на ют,
Где, подчиненные дымаппаратам,
Темные тучи
Корабль обвоют...

Что ж, это все-таки очень приятно:
Давнюю флотскую службу любя,
Пусть ты не юным вернулся обратно —
В юном матросе увидел себя.

И от одной этой мысли счастливой
Снова большой обретаю удел.
Кажется, что над волной говорливой
Сразу душою ты
Помолодел.

Здесь твоя дружба, и долг, и работа.
Сколь существуют морские края,
Будет всегда
Принадлежностью флота
В синей фланелевке
Юность твоя.

Александр ГОВОРОВ

Допризывник

Повесть — серебряный листок —
В руке у юноши заката.
Явиться просит точно в срок
Полковник горвоенкомата.
Справа легкий пиджачок,
Повестку пробояв глазами,
Переступил через порог
Сдавать серьезнейший экзамен.
Хотел явиться раньше всех,
Почти бежал к военкомату.
Но в коридоре слышен смех:
Спередили, зная, ребята.
Вошел, робея, в коридор.
Вокруг все ново, непривычно...
А среди ребят горячий спор:
Зачем нужна пехота нынче!
Но спор затих.
Вошел майор.
И вот
Этап последний пройден.
И юноша собою горд:
Служить Отечеству он годен!

Сергей ПОЛИКАРПОВ

Не в диковинку нам на флоте...

Нам мозолей узлы
Работа
Позавязывала на руках.
Не в диковинку нам на флоте.
Мы как дома на кораблях.

Будто снова пришел на смену
В дед родной, где работая, я.
Как в эмульсии,
В белой пене
Волн забузбренных остряя...

Оживает послушно пушка,
Как станок, под моей рукой.
Вьется острой, стальной стружкой
Чайка вертяка надо мной.

Тишина на куски расколота.
Дизель густо и зло стучит.
И, как будто удары молота,
Дин учебные горячи.

Юрий ЩЕЛОКОВ

Мать

Она пришла на братские могилы.
Склонилась к ним, взяла щепотку земли.
Она пришла. И никакие силы
Ее остановить бы не смогли.

Пятнадцать лет уже минует вскоре,
Но каждый день приходит мать сюда.
По маленьким частичкам это горе
Не унесут всесельные года.

Вот только след, пожалуй, не найдется:
Она давно их выплакала все.
Но снова болью сердце отзовется,
И седина прибавится в косе.

Стоят березы, тизне танис...
Мать уходит отсюда не спешит...
А сын погиб, освобождая Киев.
Он у Днепра могучего лежит.

Он с нежной материнскою любовью
Она поправит ленту у венка,
Букет цветов полонит к изголовью
Погибшего под Тулой паренька.

Ночные тени быстро набегают,
Солдаты, спите. Уходит пора...
Но, может статься, женщина другая
Стоит сейчас над берегом Днепра.

Она сняла с волос своих косынку
И, тех влася, кто вновь спит войну,
Чуть слышно повторяет слово «сынну»
И к холмику склоняет седину.

Круг почета

Мальчишки змея запускали с крыши.
Сначала он рванулся, а потом
Стал горделиво подниматься выше,
Помехивая издали крылом.

На фоне тучи он выделялся четко.
И, если наступала тишина,
Его неутомимая трещотка,
Как маленький мотор, была слышна.

И вдруг мальчишки замерли с востуго:
К их змею приблизился самолет.
Они схватили за руки друг друга:
Того гляди, заденет и съобет!

А он неторопливо, аккуратно
Круг описал и, почкав крылом,
Взял высоту и полетел обратно
Сквозь тучи грозные напролом...

Давно не стало видно самолета.
Мальчишки догадаться не могли,
Что это летчик сделал круг почета
В честь первого отрыва от земли!

П Т Е Ш Е К Т В И Е В О М А Т И К У

(Окончание. Начало см. в № 3)

БОЛЬШАЯ МЕЧА

Поздно ночью «Паллада» оставила за кормой Пlover. Холодный ветер гнал волны, которые с реном бились о берег. Огонь посмеяла гасла за серой пеленой дождя.

По узким металлическим ступенькам и спустился в кубрик. После дождя и ветра на верхней палубе здесь казалось необычайно уютно.

Катер заметно покачивало, и то ли от ровного гудения дизеля, то ли от тепла и усталости стали мутнеть очертания печки, электрическая лампочка расплылась и завертелась.

Пробуждение наступило неожиданно: катер болтал так, будто кто-то хотел вырваться из него же самого.

Шатаясь и не отрывая рук от поручней, я вышел на палубу. За штурвалом по-прежнему стоял капитан Николай Мазнев.

— Что, покачивает? — спросил он, смеясь. — Привыкай.

Я слабо улыбнулся. Но вид, внезапно открывшийся передо мной, заставил забыть качку. Волны поднимали нос катера выше самой большой сопки на горизонте, а в тотом с размаху бросали судно вниз так, что казалось, заныло вот-вот прогнетку воду.

А над волнами величественно разгоралось утро. Слева — кипели белыми бурными морю; справа — каменистые берега. На сером небе, над самой каймой сопки, невидимый карандаш вычертил кровавую черту. Потом еще одну, и потом с размаху бросали красками пустынное небо. Облески красных туш падали на море, и синюшные волны становились алыми. Боролась две краски: серая и огненная. Ветер бросал в наступление синюшные туши, но они окрашивались в красный цвет, который становился с каждой секундой все ярче. И внезапно из-за сопки взошла первая солнечная луч. Он прошил тушу и наполнил их светом. Серое небо на глазах менялось. Оно становилось голубым, светлым и необыкновенно глубоким.

Катер жил своей обычной жизнью. Место капитана на вахте занял Андрияш Малуиткак, молодой эскимос с длинным спокойным носом и узким разрезом глаз. Рука его привычно легла на штурвал.

На качающемся палубу вышел его друг Михаил Пугалиткак. Миша отчаянный стрелок и, несмотря на свою молодость, опытный моряк. Он уже восьмой сезон охотится в море. Из машиного отделения выбрал чумазый механик Витя Михеев. Мне уже рассказывали, что Витя самый лучший и самый усталый человек в команде.

— Как самочувствие? — спросил он с едва заметным архангельским оканьем.

Над нами шелкает выстрел. На

кряше рубки Миша Пугалиткак пробует выстрелку. Я удавленно подождал головы.

— Видишь, «матрешки», — крикает Михеев на волны, где покачивается устатые головы нерп.

Пули исплескивают вокруг них воду, но не пугают — любопытнее сильнее страха. Еще выстрел. Есты! Подозвывают к убитой нерпе. На воду спускают байдарку и вытаскивают нерпу на катер. Мишана приносит широкий нож и начинает разделку. Сразу обнажается толстый слой жира, шириной в четыре пальца.

Витя Михеев смеется:

— Вот удобно. Ни тебе свинофурмы, ни пастуха — наши поросята сами в море наустя.

Наступает время обеда. Мне некогда же по себе: трудно в первый раз привыкнуть к перниту. Но когда на стол ставят две общие миски с дымчатыми темно-красным мясом и все начинают аппетитно жевать, колебания пропадают. Не мешают даже и летний прикус рыбы. Затем пороную делится лакомства — пернечье сердце, легкие и печень.

Вечер. Капитан, отдохнув после выстрелов, садится на спилку диванчика.

— Эх, много я поплавал да поохотился на своем веку! Все почему-то убавляется. Видишь, начнется дождливый расказ для новичков, так называемая «стрелка».

— Только всю жизнь, ну чтоб я трижды умер, не забуду одного случая, — продолжает Мазнев, подмигивая команде. — Охотился мы тогда, дай бог памяти, у острова Аракамичем. Морю — ятты бладов, волны — во! Я прицеплялся в огромном моржа. Бах! Прямо в глаз. А ему хоть вы что!

Все слушают, затаив дыхание. Лица серьезные.

— Я снова прицепился. Бах! — Мазнев хлопает рукой по столу. — Во второй глаз! А он, черт, все плавает. Спустили байдарку, тильхого подплыли, загарпунили. Смотрю... батюшки! Клык один у него распухой. Разные олени, парнокопытные нарисуваны!

— Правда?! — Я делаю удивленное лицо.

— Спроси Михеева, он соврать не даст.

— Точно! — солидно подтверждает Михеев. Но тут остальные не выдерживают, и зреть хочота заглянуть его слова. Громче всех хохочет Мазнев.

— Ты что, не зерьшь все?.. В нашей морской жизни, знаешь, все бывает...

И тут мне вспомнилось то, что рассказывали в поселке о самом Николее Мазневе.

— Жил в Петропавловске-на Камчатке скромный широкоплечий часовой мастер. Целыми днями просиживал в мастерской, чинил часы, а вечером, прихрамывая (у

него была повреждена нога), шел на берег, на самую высокую сопку. Оттуда он любил смотреть на море. Оно искрилось под луной, а часовник закрывал глаза и долго слушал его грозный рев. А утром опить — колесики, маятники, пружинки.

Однажды вечером его пострекались два морюса. Они были навеселе и громко пели о том, что завтра уйдут в море. Часовник поскокочил к ним, сложил обох за плечи и спросил:

— Когда уходите?

— Завтра, в три часа. Уводим капитана катер на Чукотку.

Часовник смотрел им вслед, часовник, затем резко повернулся и рсталая в темноте.

Утром мастерская была за замком. А в три часа дня пачуная жель, поожодала часовщика. Она махала рукой до тех пор, пока не скрылся на горизонте караван...

Вскоре пришла телеграмма: «Присеймай Провидения Пlover Жду тебя в Нийлай».

С тех пор прошло восемь лет. Мазнев плавал сначала матросом, потом стал старшиной, затем капитаном маленького китобойца. Его считали больше того, чем китобойцем к штурвалу, лишь окрасился от ветров и брызг, но глаза — глаза остались прежними, суровыми и мечтательными. Независимо они приняли в кандидаты партин...

СПРАВА ПО БОРТУ — КИТ

Утром туло застучали по металлическим трапам кование сапоги капитана.

— Эй, ребята, вставай! Быстрей, быстрей! Кит на горизонте!

«Паллада» устремилась в открытое море, большие туши выгладывались в море. Я стою рядом с китом и жме сжимаю в руках антопу. На носу устроились эскимосы Миша Пугалиткак и Андрей Малуиткак. Воль борта лежат стальные гарпуны с поплавами из издутых пернечных шкур на длинных ремнях. Из-за штурвала выдвигается напряженное лицо капитана. Морщины собрались на лбу. Лохмотье борты нависли над глазами.

Все ближе и ближе подползает катер к месту, где Мазнев заметил китобойца. Но море пустынно. Все озабоченно оглядываются вокруг. И внезапно крик: «Справа по борту — кит!»

В синюшных волнах мелькает черная бегущая глыба, затем исчезает и показывается огромный кит. Никто не успевае выстрелить. Однако китобой комсомольско-молодежного катера не теряются, у них уже есть опит этой трудной охоты.

— Самый малый! — командует капитан, и катер медленно кружит по морю.

Витя Михеев оборачивается ко мне.

— Ну, теперь смотри надо в оба. Сейчас он «бланы бже» будет... Во-вои, смотри! — кричит Витя.

На воде появляются ровные большие круги. Это и есть китовые «блины». Они образуются, как мне объяснили, от движения хвоста животного перед тем, как кит должен вынырнуть. Метрах в пятидесяти от катера опить показывается темная глыба. Хлопает выстрелом. Кит скрывается под водой.

Катер движется в направлении, известном, наверно, только одному капитану. По каким приметам Мазнев его угадывает, я так и не понял. «Паллада» снижает скорость. Где-то здесь должен вынырнуть кит. Нерпы у всех напряжены.

— Кит! — кричит Иаан Передня. Белые волны падают ему на лоб, он дергает головой и быстро прищелкивает.

Катер поворачивает на 90 градусов. Но уже поздно. Оказывается, кит вынырнул метрах в десяти позади катера, набрал воздуха, снова нырнул.

Вновь на волнистой поверхности появляются «блины». Мазнев переключается штурвал, и катер подходит к этому месту. Ближе, ближе. Все застывает на изготовке. Сосем рядом с катером показывается темные очертания китовой туши, напоминающей тулопе черепете.

Тра-а! — разнесится по морю выстрел. Кит вздрагивает, ныряет, но тут же опять всплывает. Еще выстрелы. Кит медленно скрывается под водой, но всплывает все выше. Катер прочно «сел киту на хвост».

Андрей Малуиткак пригосаждает гарпун. Катер подползает вплотную к раненому животному. Андрей размахивается и бросает гарпун. Огромная туша вздрагивает и уходит под воду. Быстро разматывают ливы, взлетают над бортом надутые пернечные шкуры. Теперь кит не уйдет от охотников. Хотя его и не видно, но поплавки, привязанные к ливам, показывают его путь.

Кит опить вынырнул, забил хвостом так, что всплеснула вода, и стал медленно поворачиваться. Однако Витя Михеев уже успел метнуть небольшой гарпун со шлангом и компрессор накачал воздух в тушу. На хвост кита накнули цепь и закрепили на носу. И разом слышнло возбуждение. Устало присел на якорную лебедку Мазнев. Вытерли пот со лба стрелки-эскимосы Андрей и Михаил. Капитан вышел из рубки, посмотрел на часы.

— Шесть часов прохлонились. Вот так малыш! Упрямый попался... Это наш пятый в этом году, «Паллада» идет к Чадлинской косе. Громкий радостным кри-

ками встречают катер на берегу. Здесь ловно людей. Несколько рыболовов готовятся к отплытию. Приходит время расстаться с «Паллада». Прощаясь со всем экипажем и спрыгивая на берег. А вечером из Чаплино уходили рыболовы в бухту Тачкен. Они несли туда оленье мясо для строителей. Мне много рассказывали о Тачкене. Экзотический колхоз строит там своими силами новую усадьбу — с большими благоустроенными домиками, с каменной электростанцией.

...В Тачкен приезжаем под вечер. Последние лучи заката золотят спокойную воду. Дует свежий ветерный сопок, гоняет небо и поселок, состоящий из нескольких домиков и палаток, кажется игрушечным.

Вскоре я познакомился почти со всеми жителями поселка. У одного из баржков всплывал костер. Пожилая чучканка поставила на огонь большой котел со свежим оленьим мясом.

Нас пригласили в барак. На дощатом полу все усаелись на корточки. Котел с грохотом поставили в середину круга. Экзоты вытаскивали свои котлички. Бригадир Титку вынимал из котла

выпущенные паром куски мяса и раздавал всем по старшинству. Мои вниманья привлекла застенчивая смуглая девушка в белом пуховом платке, сидевшая недалеко в стороне от всех. Заметив, что бригадир протянул ей мясо одной из первых, я поклонился к соседу и тихо спросил:

— Кто это? — Сосед прожевал мясо и удивленно взглянул на меня. — Ты не знаешь? Это же Лена Ыйна, строитель!

ЛЕНА МЫНА СТРОИТ ЭЛЕКТРОСТАНЦИЮ

Есть на самом краю села Чаплино несколько старых бочкожил и ком с осмысившимися краями и водами на дне. Оттуда торчат огромные, в рост человека, кости... Еще в детстве мать рассказывала Лене, что давно-давно, когда не было ни света деда ее отца, в тех местах жила скимокса. На ребор гренландских китов делал один крендиши для своих жилиц и покрывал их моржовыми шкурами.

Лена удивилась и спрашивала: — А где же у них была школа? Мать смеялась:

ОРЛЕНКО

Когда смотришь на этот павильон, недавно установленный в одном из парков города Челябинска, немало приходишь на память слову известной песни:

Орленок, орленок, влетели выше солнца и стени с высот огней. Навесн умоляли осенние хлопцы.

В жителях и остался один...

На гранитном постаменте стоит юноша в длинной, должно быть, с отцовского поколения шинели, туго затянутой ремнем. Юный солдат революции, скомандованный белогвардейцами, встречает смерть в родине подбитой годовщины. Он бесстрашно сражался за молодую Советскую республику и сейчас расстается с жизнью, или подобно герою, не самодвижимый врагом. Орленок... Руки, словно крылья, связаны веревкой, в последний раз видит он солнце. Но взгляд юноши в верой устремлен в будущее...

Скульптору Л. Головинскому удалось создать овеянный суровой романтикой образ комсомольца первых лет революции — образа, который и сегодня воздвигает молодежь на самых трудных подвигах во имя полного торжества коммунизма.

На постаменте выгравирован, сооруженный на средства молодежи города Челябинска высеченный сломом: «Комсомолец — герой Октябрьской революции и гражданской войны».

Хорошую инициативу проявляет комсомольцы и молодежь Челябинска!

А. БОРИСОВ

Фото Э. Хананова.

— Ух, и глупая ты ешь у меня. О школе даже и не знала.

Лена обожалась и наддувала губы: она считала себя уже взрослой — ведь она умела читать! Утром, припрятав, бежала в большой дом в центре поселка, где помещался школа. Здесь всегда было чисто, светло, и Лена даже после занятий старалась задержаться в школе как можно дольше, не хотелось возвращаться в ярангу.

Потом дни становились светлее. Таял снег. Наступало лето, а с ним каникулы. Веселой гурабой ребятами прожовал и встречал у большого дома в центре поселка, не разделять моржей и перр.

Лето сменила зима, зима — лето. Вместе с матерью и сестрой Лена переехала в новый маленький домик в колхозе. С возрастом приходили заботы, раздумья, радости... Лена вступила в комсомол. Постепенно уходило из школы подруги и друзья. Лена стала взрослой, индивидуальной. Ушел в зероубойную бригаду Савана Кайнинен. Веселую подружку Аию Котеуэз покинул заведующий клубом.

Однажды Лена встретила на улице своего школьного друга Сулягата. Та несла на колхозный склад новые тапочки.

— Лена, смотри, какой у меня вышел красивый узор, — сказала Люба. — Сама придумала.

Лена вздохнула. «А мне чем гордиться? — подумала. — Что ни делаю, все не по душе. Вышивальной — сердце не лежит, мотористкой — на работу — не возьмут... А Лене хочется делать такое, чтобы даже старый друг Кайнинен улыбнулся и сказал: «Хорошо, Лена!»

С моря ветер донес стук молота. Лена вышла на берег. Вельбот уже причалил, парень в светлых шерстяных торбасах со всех ног бросился к поселку. Он что-то кричал встречному. Когда он пробежал мимо, Лена узнала в нем выхолода Петю Нутатягина.

— Куда бежишь? — спросила.

— Хорошая весть! — прокричал Петр. — Райисполком разрешил колхозу переехать в Тачкен.

Вечером в каждом доме только и было разговором, что о переезде. У магазина резник по косятам Татурге, пошпиная редкие седые волосы на подбородке, степенно доказывал старому Кайнеу:

— Ну, что ты понимаешь? Ничего. Лучшее место, чем бухта Тачкен, во всем районе не найдешь. Да там веру с берега стрелять можно. Вот так! — Я тебе скажу: где родился, то место дороже. Деди знают, что выбрали, — спокойно отвечал Кайнен.

Значит, плохо выбрали, — горчился Татурге.

Лена так и не узнала, чем закончился спор. Она спешила в клуб на комсомольское собрание.

Здесь собралось почти все комсомольцы — около тридцати человек. Лена сидела на самом последнем скамейке. Яра Майна, секретаря комсомольской организации, выходил на сцену.

— Я предлагаю создать молодежную строительную бригаду на новой усадьбе, — говорил она. Собрание дружно и одобрительно загалдело.

— Кто хочет поехать в Тачкен? Первым поднимают руку Вася Акару. Яра берет карандаш и

открывает тетрадь. И тут что-то слышно толкнуло руку Лены вверх.

— И меня записал! — Тебя? — удивляется Яра. — Да, да, записал! — Смотри, Лена, трудно будет. Строить дом — работа не женская.

— Я поеду, — говорит Лена. Потом вынимаются еще трое ребят: Сайналуку, Рахтика, Мумиухтика.

...Вельбот с рабугу ткнулся носом в галечный берег. Лена выскользнула на камни. Яранга, несколько палаток и длинный дощатый барак стояли на месте будущей центральной усадьбы Чаплино.

Вдалеке виднелось штабеля леса, лесок и несколько выжатых домок. Завоев работами даже строительские бригады.

Утром Лена надела белый платок, ватник, колпаз ружавики. Председатель колхоза Илвин назначил бригаду строителей воздвигнуть здание электростанции. Лена стала подносить щебень, готовить раствор, просеивать песок.

С каждым днем работа все больше и больше развивалась. Лена Радостно на работе становилась оттого, что на глазах росла стена электростанции. Камень за камнем укладывала Лена, вырывая по изгибистой борозке, заливая раствором и опять укладывая неровные камни.

...На глады бухты появляются две точки. Лена вглядывается, правильно глаза от светящего солнца. Все оттаивание видны вельботы. Это молодежь идет Чаплино едет на очередной воскресник. Комсомольцы решили сами построить дом, в котором будут жить молодежь. Снасть получить квартиру выдает Лиде и Пете Мумиухтика. А всего к Октябрьскому празднику на новой усадьбе выйдет в строй семья дом.

Вечер. Из окна барака сквозит метельную пелену еде видны силуэты новых домов.

«Наверно, и на комсе в старом Чаплино так же метет, — думает Лена Ыйна. И перекрест глазами возникает дощатые домики старого поселка, черные яранги и ямы с торчащими каменными костями.

Пол крылом самолета летящие поля облаков. Иногда наш «Ил», как в прорубь, падает вниз, и тогда взглядом открывается темнота тундры с гигантскими скалками хребтов, редкие газоны север.

Путешествие подходит к концу. Мне скажут: конечно, легко на Чукотке найти романтику — она в каждом шагу!

Я отвечаю: нет! Не надо путать двух понятий, очень близких друг к другу: романтику и экзотику.

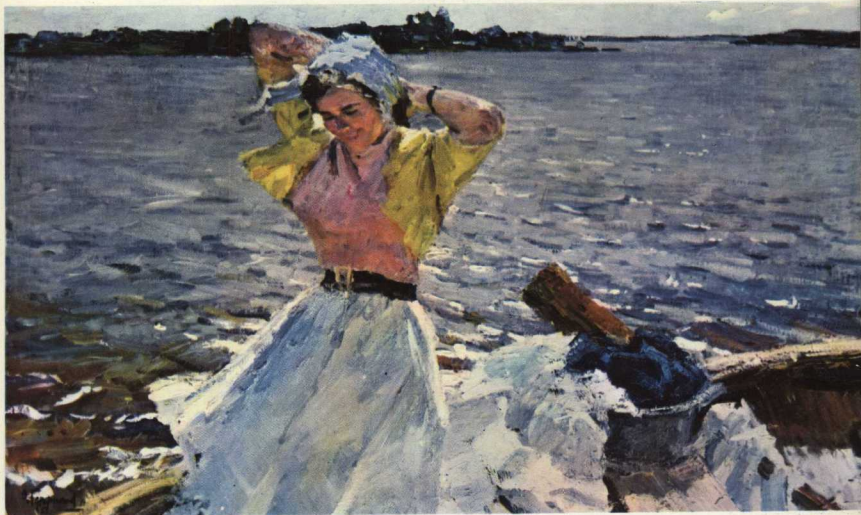
Север — не только зарницы сияния, обжигные вихри, собачьи упряжки... Здесь нет и тутается смысле обжигновое лето, превращающее будни в легенду. Ведь Север — только рамка, в которой проявляются самые сильные стороны человека. Борьба с могучей стихией, человек-ингем в коллективном труде вырастает в великана. Романтика в том новом, что шагает на Чукотке, как и повсюду в нашей стране, романтика — шагими.

...В романтику! Она и в стуже топором, и в реве морских волн, и в чистых сердцах сильных и смелых людей! Чукотский национальный омур.

ОРЛЕНКО

С. Лысенко, Г. Толпекин. Разлив на Днепре.

В. Гаврилов. Свежий день.

Д. Рустамов. Баня.

В. Дмитриевский. Улыбка весны.

В. Богаткин. Туманный рассвет.

ЗАКАЛКА — УМЕНИЕ ОПОРА

Фото Г. Борисова.

Два сослуживца, два Алексея — Атаманов и Безверный — решили однажды вечером попробовать самостоятельно разучить приемы классической борьбы. То ли кинофильм о «чемпионе чемпионов» Иване Поддубном их вдохновил, то ли спортивные отчеты о выступлениях ныне здравствующих знаменитых борцов раздрадили хлопцев, только неужердимо потянуло солдат к козру. Не прошло и минуты, как вокруг сияющей сомулился живое кольцо болельщиков-острословов. Нашлись и судьи и спортивные комментаторы. Один из них шутовно возвестил на всю казарму:

— Беспрочная борьба до полной победы! Решительная схватка прославленных гигантов! Победитель награждается увеличением в городской отпуск! К бою!

И вот сошлись техко-сослуживцы на середине импровизированного ковра, пожали друг друга руки, повернулись кругом и застыли в исходных позициях не хуже записных чемпионов. А затем... А затем... Не будем вводить читателя в заблуждение несчет их мастерства. Атаманов применил какой-то немомовый прием — обхватил своего соперника, взметнул кверху и повалил на пол. Болельщики встретили это таким неистовым восторгом, что стекла зазвенели.

Доставка как следует обомлела, ибо добрых полминуты один и другой мучительно силмисли улюбливаться в положении лежа.

— Схватка прекращается по не зависящим от публики обстоятельствам. Оба участника снимаются с ковра из-за полной технической неподготовленности! — торжественно провозгласил стоявший поблизости Юрий Волков. Спорить с ним не стали: все знали, что Волков, борец первого разряда, участник многих состязаний на первенство столицы и Московского военного округа, в технике классической борьбы кое-что смыслит.

— Как самочувствие? — спросил Волков смущившихся борцов.

— Нормальное.

— А настроение?

— Боевое.

— Ну, если так, то не вступите ли вам в секцию классической борьбы?

— Какие могут быть разговоры! Хоть сейчас, — согласились солдаты.

Кроме Атаманова и Безверного, классической борьбой заинтересовались сержанты Георгий Квашин, Виктор Серов и Александр Долгий. Каждый из командиров отделения взял с собой в секцию всех своих подчиненных. Оценив обстановку, Юрий Волков озадаченно протянул:

— С такой «могучей кучкой» я один, пожалуй, не справлюсь.

Помочь Юрию вызвались спортсмены-разрядники Вячеслав Каров, Вадим Курвов, Вячеслав Кузнецов.

Так в подразделении офицера Крутикова была создана секция классической борьбы.

Есть в этом подразделении любители и других видов спорта. Вот на заснеженном плацу группа воинов исполняет какой-то замысловатый танец с мячом. Это тренируются футболисты Анатолий Череданов, Валерий Федосеев, Лев Акселевич и другие энтузиасты кожаного мяча. Игруют они летом, а оттачивают свое мастерство круглый год. Увлечение футболом не мешает, а, наоборот, помогает Анатолию Череданову быть командиром передового отделения. Известно, что одним из показателей воинской зрелости является умение преодолевать полосу препятствий. Для этого требуется стремительный рывок спринтера, кошачья эластичность пластина, снайперская точность гранометрича, устойчивое эквилибриста, пружинная сила гимнаста, ловкость фехтовальщика. Полосу препятствий Череданов и солдаты его отделения преодолевают с оценкой отличного.

И так всегда: первые в спорте оказываются первыми в боевой учебе. Вечеринка слесари, токари, учащиеся стали сегодня отличными стрелками, автоматчиками, пулеметчиками.

А вот тренируются бегуны. Их

На лыжной тренировке.

Примок — и преодолена еще одна преграда на полосе препятствий. Есть чему поучиться солдатам у младшего сержанта Анатолия Черданова.

трое: молодой солдат Виктор Шмишов и его сослуживцы — ефрейтор Иван Ерхов и рядовой Александр Сатаев. Они тренируются методично, регулярно. Узнав о том, что до призыва в армию Шмишов прошел основательную подготовку и в своем родном городе входил в тройку сильнейших конной-легкоатлетов, ефрейтор Ерхов попросил:

— Виктор, помоги мне сдать на разряд!

Ответ был короткий: «Подполчишься, будем работать!»

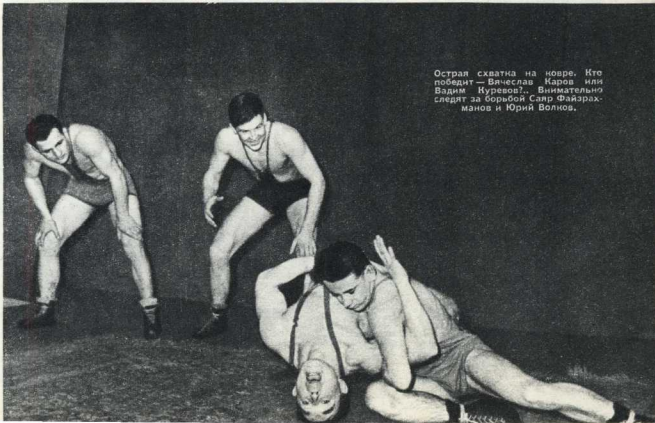
Впрочем, подготовку разрядники занимаются не только Виктор Шмишов и Анатолий Черданов, не только Вячеслав Каров и Юрий Волков, а все лучшие спортсмены подразделения.

— Увеличим вдвое число разрядников! — такое обязательство издал на себя воины капитана Крутикова и личный состав соревнующегося с ним соседнего подразделения.

Майор И. ПОЖИДАЕВ

Острая схватка на ковре. Кто победит — Вячеслав Каров или Вадим Курвов? Внимательно следят за борьбой Саша Файзрахманов и Юрий Волков.

Так называется сборник рассказов молодого прозаика В. Ивантова, выпущенный издательством «Советский писатель» (Ленинград). Героизм этих книг — знакомый запах моря и крови, солдатам топа и дыма войны. Писатель рисует образы вымышленных, представляющих разные рода войск, участвовавших в разных войнах. Но все их, своеобразных, не покихают друг на друга, объединяет безграничная, самоотверженная любовь и Родина.

Если Родина признавалась, у ее бойцов вырастают крылья. Это отчасти показано в рассказе «Технарик», героя которого совмещают изобретение, Военные техники, «возможные ползат», как неведомое существо Белогорской коммуны.

Защитники Родины полюбят и врагов — иранцев, персидцев, — изображены в рассказе «Будничное обстоятельство», где, казалось бы, нет никакой героики, романтики. В казарме или в учебном походе — постигает современное искусство военного дела, и, тем не менее, посвященные им страницы выдают уверенность в том, что наша молодежь, одетая в черные бушлаты или серые шинели, — достойная наследница традиций тех, кто брал Зиндид, штурмовал Пелюю или врывался в пылающее здание рейхстага.

Первая книга... Иной раз в ней еще не чувствуешь авторской индивидуальности, это скорее лишь поиски, ищущиеся самостоятельных путей.

Автор сборника «Они шли рядом» обладает талантом писателя, который не привык к похорон. Он стремится к простоте, бесшумности. Отсюда сдержанность, лаконичность повествования. Многие из рассказов В. Ивантова, кажется, что написаны не от первого лица, чем-то напоминая беседу бывшего солдата с молодым воином.

«ОНИ ШЛИ РЯДОМ»

Воинская служба в изображении В. Ивантова это прежде всего большая жизненная школа. Не сразу освоился в армии герой рассказа «Виталин», выпущенный издательством «Советский писатель» (Ленинград). Героизм этих книг — знакомый запах моря и крови, солдатам топа и дыма войны. Писатель рисует образы вымышленных, представляющих разные рода войск, участвовавших в разных войнах. Но все их, своеобразных, не покихают друг на друга, объединяет безграничная, самоотверженная любовь и Родина.

«Я хочу... чтобы из хлюпки превратились в настоящего бойца и мучнику. Ничего стоять, я, слабею вас бы и не умер. Славослов... В рассказе «Виталин» рассказчик — офицер. Под огнем противника на неинтересной полосе он снимает панораму неясного берега, зантого гитлеровцами. Прием автор верен психологической правде обрабатывая рассказ. Неважно, насколько далеко не смысли. По его собственным словам, он сам себя зашировет выволос на лед... И все же его поступок воспринимается как подвиг. Недаром выполненная Славянским панорамой хранится ныне в Центральной артиллерийском музее, а за угу его «размышлито написано: награדת автора орденом Красного Знамени».

На рассказе «Дражина» хочется остановиться подробнее. В нем выдены Виталин, доблестный солдат. Вольгин, из студентов, назначивший себя командиром отряда, и старательство хочет выпустить его первую винтовку. Командир батареи отказывается. Неважно, насколько далеко от остров Ханно. «Служба прежде всего».

А дальше происходит следующее. Митендаты задерживаются с поставкой мелаза. Ближнзе неманства пора года. В Центральной артиллерийском музее, а за угу его «размышлито написано: награדת автора орденом Красного Знамени».

И вдруг незадачливый поэт Вольгин предлагает организовать производство дражи. Называется он тогда-то занимается эти вместе с поставкой мелаза. Неважно, насколько далеко от остров Ханно. «Служба прежде всего».

Иногда приходится за себя стуритуром гарнизона по дражи. И наконец, когда все кадрируется, они получают долгожданный отпуск.

Что своим руками драпа шепу, чтобы ирять узками, дропа шепу, перевезав раненых или погоняя снаряды — то не сформулирует ни в едином слове, описывая будни войны, не впадает в слезный схематизм, повествуя о мирных днях Советской Армии и Родины. Это повествование, выходящее прямо из сердца, испытанное, открытое.

В Ивантве в полной мере удалось труды и покои своего поколения. Потому что первая книга получалась интересной, простой и правдивой.

М. ВАСИЛЬЕВ

ме, потрисло тогда молодого человека. Фордовских молочино по сравнению с углубленной общественной мысли из СССР. Но это была не последняя встреча будущего журналиста И. Димитрова с американцами.

По долгу журналистской профессии, — пишет он в первой главе книги, — мне в последние годы неоднократно приходится находиться в США. Каждая поездка расширяет круг общения, расширяет представления об этой стране, на которую мы давно полюблено еще в детстве. Прочитав много зарубежных писем, книг, собственных заметок, вышедших из-под пера зарубежных и американских изданий, я решил поделиться впечатлениями. Впечатления эти представляют интерес и автору, и читателю. В неосторожной материал о жизни американской молодежи, о ее чувствах и радостях, о том, как заводится на ее жизни, быте и нравах господств жилищных монополий, о наших проблемах ей приходится сталкиваться и как она решает их.

«ЧЕЛОВЕК, ШАГНУШИИ К ЗВЕЗДАМ»

Запуски искусственных спутников в космос, полеты человека в космос, — это явления, которые сейчас дивинные в межпланетном пространстве, воплотили в себе идеи и технические принципы, открытые и разработанные еще в конце прошлого века талантливым русским ученым и изобретателем Константином Эдуардовичем Циолковским. Писатель Лев Кассин, писавший Циолковскому в юности, в своем журнале «Человек, шагнувший к звездам» дает много литературных портретов знаменитого ученого. Увлечательно написанная книжка рассказывает об удивительной жизни и замечательных изобретениях, открывших человечеству «путь к звездам».

«ЕСТЬ ЛИ БОГ?»

Большинство советской молодежи — атеисты, не верящие в существование ни бога, ни черта. По своим средним образования, они умеют правильно разбираться в явлениях и фактах жизни, но не всегда и не все могут ответить на важнейшие вопросы людей, верящих в существование сверхъестественного начала, а есть среди молодежи и такие, которые и до сих пор по неведению своему придерживаются религиозных обрядов, суеверий и прочей дичины.

И тем и другим полезно будет прочитать брошюру «Есть ли бог?», выпущенную издательством «Молодая гвардия». Автор этой брошюры — доктор физико-математических наук, профессор математики З. Фольман в живой и интересной форме бесед отвечает на вопросы: как начал зародиться религия, почему христианство подождало Христа коммунистом, почему у нас до сих пор есть верующие, почему мы боремся против религии. Приводит доводы научной аргументации, автор опровергает эти доводы при помощи данных науки,

убедительно доказывая, что верси о существовании бога выдвинуто только служителями религиозной культа и правящими классами капиталистических государств; трудящимся она вредна.

«О СКОРОМЕРИИ И ВЫСОКОМЕРИИ»

Небольшая брошюра Чмоу Юань-бин о скомромери и высокомери в Китае издалась впервые там влизи скрпа на иев. «Есть ли бог?» — это брошюра, которая в предисловии, — автор пытается кратко рассмотреть вопрос о коммунистической скомромери, одновременно проанализировать опасность высокой высокомери и благодушия, показать их идейные и классовые корни.

Недавно Юань-бин переведена из русского языка и выпущена Государственным издательством политической литературы массовым тиражом. Чтобы читатель имел представление о содержании брошюры, приведем следующие подзаголовки: «Самодовольство приносит вред, а скомромери приносит пользу», «Взаимные отношения между эгоизмом и альтруизмом», «Идеологические корни скомромери и высокомери», «Что считать настоящей скомромери», «Как воспитать в себе скомромери».

ПОЛЕЗНЫЕ СПРАВОЧНИКИ

Издательство «Молодая гвардия» выпустило «Справочник секретаря первичной комсомольской организации». Эта книга в 350 страниц состоит из пяти разделов: 1. КПСС, комсомольские организации. 2. XII съезд Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи (материалы и постановления). 3. Постановления ЦК ВЛКСМ, принятые в марте 1958 г. 4. XII съезда ВЛКСМ, 4. Совету секретариату первичной комсомольской организации (о порядке приема в ВЛКСМ, о рекомендациях комсомольцев для поступления в КПСС, об учете членских взносов, о порядке внимания членских комсомольцев). 5. Вопросы повышения материального и культурного уровня жизни молодежи (назв. Президиума Верховного Совета СССР и постановления Совета Министров СССР об отпусках, о порядке выплаты заработной платы, о порядке охраны труда и порядке оплаты труда подростков и другие).

«ГВАРДИЯ ЮНЫХ БОЛГАР»

Издательство «Молодая гвардия» начало выпускать серию брошюр о жизни и борьбе молодых организаций зарубежных стран. Первая из них — «Гвардия юных болгар». Автор — болгарский журналист рассказывает о жизни и борьбе молодежи Болгарии, о деятельности ее организаций — Димитровской союзе народной молодежи.

НОВЫЕ КНИГИ

«ПОКА СТУЧИТ СЕРДЦЕ»

В небольшой книге «Пока стучит сердце» объединены дневники и письма Героя Советского Союза Евгения Максимовича Рудневой, сохранившиеся в дни Великой Отечественной войны. В боевых вылетах на самолете «У-2».

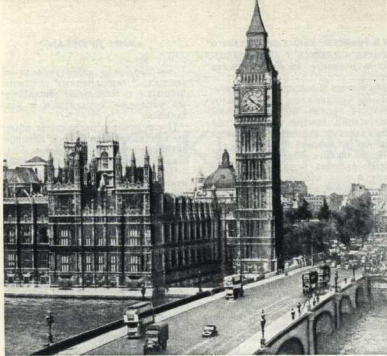
Воспоминания и документальная статья Ирины Раменской, служившей в том же авиационном полку, что и Рудневой, знакомит читателя с биографией героини и истинно гвардейской полкой. В дневнике комсомольки Жени Рудневой раскрывают жизнь советской девушки, ее мечты, ее чувства, ее мысли сканью до последних дней, когда она, совершившие вместе с командой в качестве штурмана, обвилась вражеские войска.

волнующим документом, говорит уже, что издательство «Молодая гвардия» выпустило книгу Рудневой вторым изданием. Горячо рекомендуем ее юным читателям.

«В ТЕНИ НЕБОСРЕБОВ»

Автор книги «В тени небосребов» — это замечательный писательство «Молодая гвардия». И. Лапкин шестидесятилетним человеком, выпустившим комсомольское путевое рабство на только в последние годы, в качестве машиниста транзакторной завод. Здесь четверть века назад ему впервые довелось наблюдать американца, оло фордовские молочино, работающего на конвейере вместе с иностранными специалистами, избили своего земляка негра Роберта Ротинсона, ставшего высказывающего шириний отклик в Советской стра-

Лондон. Здание парламента.

Так выглядит знаменитый лондонский Трафалгар-свер в окружении прилегающих к нему улиц.

ДВЕ НЕДЕЛИ В АНГЛИИ

Г. ГРИГОРЬЯН

Солнечным утром «ИЛ-14» плавно оторвался от стартовой дорожки Внуковского аэропорта. Под крыльями самолета пропали новостройки Юго-Западного района столицы, вспыхнув в лучах солнца золотой шпиль университета, и вскоре скрылась из виду величественная панорама города.

Мы летим в Англию с ответным визитом дружбы по приглашению Британского фестивального комитета. Летим, в сущности, к хорошим друзьям, но многими из которых познакомились в Москве в дни VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов. 1 550 юношей и девушек Британии гостили тогда в Москве, и, судя по их письмам, каждый сохранил от этих дней весьма радостные воспоминания.

Наша молодежная делегация состоит из шести человек. Нарптив меня Слава Заворотный — инженер-конструктор Горьковского автозавода — о чем-то беседует с банистом Анатолием Беленьким, лауреатом VI Всемирного фестиваля. Глаша Козлова — студентка Московской консерватории — перелистывает журнал, а Руфа Рогова — секретарь — Томского обкома комсомола — смотрит в окно, за которым стелется волнистая гряда серебрястых облаков. Только Миша Дробышев, представляющий Комитет молодежных организаций, занят делом: он внимательно изучает вероятный маршрут нашего путешествия по Великобритании, где ему предстоит быть не только гостем, но и переводчиком.

МЫ В ЛОНДОНЕ

Уже ступившие сумерки, когда самолет приземлился в Лондонском аэропорту. Британская столица встретила нас «традиционным» туманом. Как сквозь густую марлю, тускло просвечивали огни уличных фонарей и разноцветных неоновых реклам, когда мы вместе с встретившими нас английскими товарищами сходили в гостиницу. Из белого сумрака вступили расплывчатые силуэты домов. Многие здания, судя по их

очертаниям, были построены еще в прошлом столетии, и может быть, и раньше. Утром нам довелось увидеть и такие дома, которые своим невзрачным видом восхитили в память слова Чарльза Дикенса из его «Картинок с натуры»: «Поначалу это был просто весьма недурной жилой дом; но со временем владелец запутался в долгах, дом попал под судебную опеку, аредатор покинул его, и дом пришел в полный упадок. И наша гостиница, хотя она носила громкое название «Уайт * Холл», не отличалась ни особенной безвкусия, ни тем более новинкой архитектуры».

Наше пребывание в Лондоне было кратковременным. Гигант-

* White — белый.

ский город поражал прежде всего своими контрастами. Мы видели феешенный мир Пикадилли, сверкающий блеском роскошных витрин. Но тем мрачнее показались нам жалкие лачуги в грязных дворах Ист-Энда. Мы видели в городе и леса новостроек, но от нашего взгляда не ускользнули старые руины, заросшие бурьяном, — печальные следы военных лет. И еще запомнились ситуации по городу: американские военные машины и огромные красные плакаты, рекламирующие голливудские фильмы и прочую заокеанскую продукцию. Густой лондонский туман не помешал нам, однако, разглядеть и искренне радужные на лицах наших английских друзей. Недаром же

В предместьях английской столицы маршируют американские солдаты...

одни из них, Ч. К. Кларк, в письме, адресованном Руфе Роговой, выразил уверенность в том, что наш визит в Англию «поможет лучше узнать друг друга», что он «не только будет содействовать укреплению дружеских контактов, но и послужит хорошим вкладом в дело борьбы за мир».

В справедливости этих слов мы неоднократно убеждались во время нашей поездки по Англии.

ВСТРЕЧИ С ДРУЗЬЯМИ

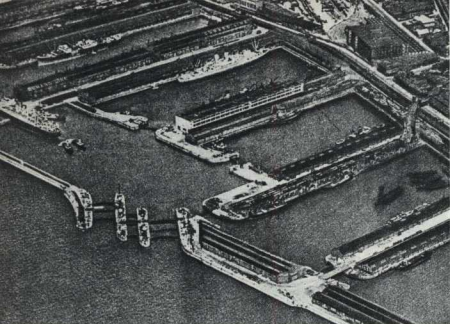
Кроме Лондона, наша делегация посетила Бирмингам, Ковентри, Шеффилд, Лидс, Глазго, Эдинбург, Манчестер, Ливерпуль. Конечно, четырнадцать дней — это малый срок для такого «семкого» маршрута. Но каждый день был до предела уплотнен и буквально расписан по минутам.

Что же яче всего запечатлелось в памяти после нашей пятирешной, но непродолжительной поездки?

В городе Бирмингаме делегацию встречали с трогательным радушием. Гостеприимство бирмингамцев мы почувствовали, как только вышли из вагона. Секретарь местного фестивального комитета мисс Маргерет Инграм, вручая нам обертнутые в целофан букеты цветов, сказала:

— Преподнесите гостям цветы — старый русский обычай. Примите же эти букеты в знак нашей искренней дружбы!

В Бирмингаме мы побывали на заводе, выпускающем электрорезы. Во время обещанного перекура нас окружил тесным кольцом молодые рабочие. Мы не успевали отвечать на вопросы. Здесь каждый из нас понял, как мало знает британская молодежь о нашей советской жизни, о самых, казалось бы, элементарных вещах. Одни из рабочих был крайне удивлены, узнав, что в Советском Союзе одинаково оплачиваются труд мужчины и женщины, юношей и девушек. Дело в том, что на предприятиях Англии рабочие от 18 до 21 года, как правило, получают в два — три раза меньшую заработную плату, чем старшие по возрасту. Сильно удивлены

Ливерпульские доки.

ко в графстве Уэльс до недавнего времени числилось 1500 безработных в возрасте до восемнадцати лет.

Молодежь Британии все решительнее поднимает свой голос протеста против политики гонки вооружений, против строительства американских атомных реакторов на английской земле.

Подвизываясь большинство молодых рабочих яны отдаст себе отчет в том, что является истинной причиной их бедственного положения. Они понимают, что производство термоядерного оружия и других средств современной войны слишком дорого обходится народу, жизненный уровень которого и без того крайне низок. И они все активнее включаются в борьбу за свои права, за лучшее будущее.

Однако многие молодые англичане находятся под гнетющим влиянием буржуазной пропаганды, их сознание отравлено голливудскими кинообаяниями, бульварной литературой, телевидением. Многие юноши и девушки, с которыми мы беседовали в разных городах страны, не видят перед собой ясной перспективы. «Мы скитники», — сказал одному из нас аспирант колледжа иностранных языков. — У нас нет захватывающих идей, и мы не видим перед собой определенной цели».

Растление умов и массовая безработица создают почву для роста преступности среди юношества. Почти ежедневно газеты публикуют сообщения об убийствах и ограблениях, совершенных юношами и подростками. Следствием морального отравления и вынужденного безделья является и чрезмерное увлечение молодежи рок-н-ролом и другими танцевальными танцами, вывозимыми из Соединенных Штатов Америки. Сюда, в Британию, проникают из-за океана и странное моды, уродующие подмышку до дешёвых импортных винюнок юношей и девушек. Посмотреть иной раз на девушку в узких коротких брючках и кофе невообразимого покрой и подуматься: так вот кому подражают наши московские «стиляги»...

Вот некоторые результаты этой политики, проводимой английским правительством. В стране насчитывается сейчас 450 тысяч безработных. По официальным данным, опубликованным в печати, их число в ближайшие месяцы возрастет до 750 тысяч. Молодежь становится все труднее найти хоть какую-нибудь работу. Из 100 юношей и девушек, окончивших в минувшем году школы в городе Данди, работу получил всего 160. Только

ЗЛОВЕЩИЕ ФАКТЫ

турные достоинства этого бездарного романа.

Везде молодежь проявляет глубокий интерес к тому, что делается сегодня в Советской стране. Нас спрашивали о семилетнем плане, о перестройке школы, о положении студентов и молодых инженеров в СССР.

Эти вопросы волнуют английскую молодежь не случайно. Она серьезно обеспокоена своим будущим, пагубными последствиями антинародной политики, диктуемой из-за океана.

Начинается — одна из феешенбельных улиц Лондона. Здесь среди ярких реклам и роскошных витрин можно видеть и такую сцену: инвазив войн выпрашивает милостыню...

права и женщин-работниц. С такими фактами нам приходилось сталкиваться не только в Бирмингеме, но и на сталелитейном заводе в Шеффилде, и на текстильных фабриках в Манчестере, и на каменноугольных шахтах в Эдинбурге.

У нас встречи с молодежью обычно происходили в рабочих юношеских клубах. Наибольшей популярностью пользовались вечера вопросов и ответов. Вопросы были разные и порой на редкость пикантные. Нас, например, спрашивали, есть ли в Советском Союзе клубы на заводах и в колхозах, существует ли в клубах художественная самодеятельность. Часто нам задавали вопросы относительно советских «стелд бойз» (так называют в Англии «стиляги») — преследуют ли их в нашей стране и почему они подвергаются «сгоням».

Само собой разумеется, что такие вопросы могли возникнуть только у людей, которые совершенно незнакомы с советской действительностью. Приходилось всякий раз объяснять, что «стиляги» в нашей стране не так уж много и что это вовсе не та «жгучая проблема», которая волнует сейчас советскую молодежь.

Нас поразило и другое. На сталелитейном заводе в Шеффилде между нами и тремя молодыми инженерами как-то зашел разговор на литературные темы. К нашему великому удивлению, ни один из них не читал Толстого, Тургенева, Чехова, Горького, Шолохова. Больше того, эти имена им были просто неизвестны. Этого мы слышали от Б. Пастернака. Так и в других зарубежных странах, реакционная печать Англии несколько месяцев назад подыкала неимоверную шумиху вокруг романа «Доктор Живаго». Несмотря на то, что продажные писки щедро воскуряли фирмам «великому человеку» Б. Пастернаку и его старшему сыну, молодые англичане везде, где нам приходилось бывать, отрицательно отзывались о романе «Доктор Живаго». Во время встречи, кажется, в Бирмингемском университете студенты сами ответили своему преподавателю, когда тот затронул вопрос о мотивах присуждения Пастернаку Нобелевской премии.

Разве не ясно, за что — сказал один из студентов. — За что угодно, только не за литература...

«МИР! ДРУЖБА!»

Эти два слова часто звучали на вечерах, посвященных нашим встречам с молодыми английскими работниками, студентами и учащимися.

После отъезда на вопросы обычно начинался концерт, в котором активное участие принимали Глаша Козлова и Анатолий Беллев.

Вдали от Родины особенно приятно было слышать русские народные и советские песни. Исключительным успехом пользовались «Подмосковные вечера», «Тонкая рябина», «Волжские песни» в обработке Анатолия Беллева, «Там, где с саблями» — музыкальный фрагмент из известного балета Арама Хачатуряна. Нередко во время исполнения той или иной русской песни зал поднимал руки, и это по-настоящему трогало. Так было, например, в клубе горняков в Эдинбурге. Здесь же Глаша спела некоторые песни на слова Роберта Бернса: «Пробираться сквозь туман, чтобы увидеть твою прекрасную любовь», «Шотландскую застольную». Это вызвало бурю восторга. Мы лишний раз убедились в том, как горячо любят русскую музыку своего великого национального поэта.

Вполне понятно, что каждый из нас горячо интересовался тем, как готовятся юношеские организации Британии к VII Всемирному фестивалу молодежи и студентов в Вене. Британская молодежь деятельно готовится к празднику юности. Но надо отдать предпочтение молодежи Шотландии, она в этом деле проявляет наибольшую активность. В каждом шотландском городе имеется фестиваль комитет. В клубах юношей и подростков проводятся вечерние молодежные Шотландии, студентов, школьников с участниками прошлых международных фестивалей. Небезынтересно отметить, что в таких крупных городах, как Глазго, Эдинбург и Глазго, идея фестиваля поддерживается даже церковью...

Идея фестиваля... Широко распространение получили среди английской молодежи. Британские юноши и девушки, вернувшись с Московского фестиваля, привнесли в нашу страну волюнную идею об этом радостном празднике мира и дружбы. Этому не удается ослабить ни заговору молчания буржуазной прессы, ни тем более увещаниями министров иностранных дел господина Седина Ллойда, который не советует молодежи ехать на фестиваль в Вену.

...Быстро промелькнули две недели, и вот мы уже опять в Лондонском аэропорту. Но на этот раз наша делегация возвращается домой, на Родину.

Четырнадцать дней, проведенных под небом Англии, надолго останутся в памяти. Мы увидели страну, трудолюбивый и талантливейший народ которой создал на протяжении своей истории много замечательных культурных ценностей. Этот народ, давший миру Шекспира и Ньютона, Стеффен и Уатта, хочет жить в дружбе с другими народами. И слова «Мир!», «Дружба!», которые так часто скандировали по-русски английские юноши и девушки в ярком и сердечном выражении симпатий молодежи Британии к своим советским сверстникам.

СЕКРЕТНАЯ ОПЕРАЦИЯ

Как живой, Владак стоит перед моими глазами — худощавый, в коричневом по-лувоенном покрое костюме, с немецким автоматом на груди, с наченными сапогах. Он удивительно хорошо, непринужденно умал смеяться — на обветренном лице его под аккуратными усиками белой полоской сверкали зубы. Мы не раз ходили с ним вместе в разведку. Племком к плечу с Владаком мы брали Ульянову.

В этом небольшом польском городке, оккупированном гитлеровцами, размещались склады боеприпасов, продовольствия и фуража. Но не только склады привлекали к Ульянову партизан. С некоторых пор в городке были замечены подозрительные перемены: отдельные здания оградились колючей проволокой, кое-где на перекрестках и окраинах появились дзоты, была введена система ночных пропусков.

Дважды по заданию начальника штаба дивизии Войцеховича ходил Владак с группой партизан — посылком в разведку под Ульянову. Было установлено, в Ульянову прибыл представитель ставки фон Бриллинг, матерый гитлеровец. На секретном совещании немецкой администрации и полицее полков фон Бриллинг потребовал уничтожить партизан в крае, а Владак грозился повесить собственными руками.

Еще через несколько дней разведчики Владак сообщили: в Ульянову доставлены радиопаратура и оборудование для создания здесь точки ВНОС¹. При помощи этой точки гитлеровцы собирались засеять советские бомбардировщики, предупреждать глубинные пункты, вызывать истребителей...

Вот, ввязываясь, чем объяснялся шумиха, поднятая в последние дни в Ульянову!

Владак был вызван в штаб. Из-за стола навстречу ему поднялся коренастый мужчина среднего роста с ослепленной бороздой на лбу. Командир партизанской дивизии имени Кокапа Петр Петрович Вершигора.

Улыбаясь, он крепко пожал руку польскому партизану...

— Садитесь, пан Владак.

— Дзенкуе бардо?²

Кроме начальника штаба, при разгосворе командира дивизии с Владаком присутствовал молодой партизан в лихо залопанной шапке-убанке, известный коллакомом своими боевыми делами командир третьего полка, бывший пограничник Брайко.

— Мы должны немедленно принять меры к разгрому пункта ВНОС. Пан Владак, поскольку вы вам разведку Ульянову, вы возложите ударную группу. На Ульянову пойдет третий полк. Руководство операцией возлагаю на Петра Евсевича Брайко...

В обед в крестьянскую хату, служившую нам штабом, Вершигора вызвал командный состав. Партизаны собрались быстро. Командиры полков, рот, отдельных подразделений сидели на лавках, стояли у дверей и окон. Хозяйка хаты и кое-кто из соседей находились тут же.

Совещание открыл командир дивизии. Напомнил о том, что важно держать язык за зубами, Вершигора заявил приказ о наступлении на городок — Тарногруд. Затем он представил слово начальнику штаба. Войцехович тоже предупредил партизан и особоเสมอ хозяйка хаты, чтобы никто не болтал о предстоящей операции. Он дал задание подобрать продовольствие из местных жителей, хорошо знающих дорогу на Тарногруд.

...Колонна двигалась в направлении Тарногруда по извилистым лесным и проселочным дорогам. Только фиряные лошадей и приглушенный гулоса вздохам маршалаи безмолвие ноии.

Впереди шла разведка, за нею первая рота, дальше отпорка с приданой ей батареей и штаб полка во главе с Брайко. Замыкала колонну третья рота.

Соблюдая строгий порядок, партизаны шли по намеченному маршруту. На перекрестках дорог стояли регулировщики. На подходе к Тарногруду они были особенно необходимы, потому что дороги здесь непрерывно петляли и перекрещивались.

Между тем в Тарногруде нас уже ждали. Агентура гестапо, до которой после совещания в партизанском штабе дошли наши планы — идти на Тарногруд, сообщила об этом гитлеровскому командованию. В Тарногруд были стянуты крупные части гитлеровской полевой жандармерии, подразделения СС и полиции из Белгороа, Жешуаа и Ульянову.

И вдруг поступил приказ: отпустить проводников. Колонна остановилась. У саней командира полка собрались командиры рот и артиллерии. Брайко приказал: «Колонне изменить маршрут, следовать в направлении Ульянову».

Недоумение на лицах командиров быстро сменилось веселыми улыбкаии: всем стало понятно, зачем так эзасекречивалась тарноградская операция...

...Прошло около трех часов, как мы выступили в поход. Но вот наконец и Ульянову. Километраж в полтора от городка, у небольшой деревушки, нас встретили Владак со своими бойцами. Он доложил командиру полка: дорога на Ульянову открыта, местонахождение постов установлено, склады боеприпасов и продовольствия охраняются в трех пунктах... Оставалось захватить городок, уничтожить ВНОС, вывезти склады с продовольствием и боеприпасами.

Обстановка благоприятствовала выполнению задания; крепко помог нам Владак, сумевший через свою разведку «нейтрализовать» местных полицеев-полаков...

Операцией по захвату пункта ВНОС руководил Брайко. Пулеметчики и бойцы с гранатами окружили здание. Подготовили взрывчатку, подтянули пушку. Открыли огонь... Но стены старого здания, в метр толщииой, не поддавались. Из окон фашисты обстреливали нас. Брайко приказал пустить в ход взрыв-

чатку. И вот раздался оглушительный взрыв, часть дома рухнула.

Мы убежали во двор, и нашим глазам представала группа облеумевших от страха гитлеровцев. Лишь один из них, небольшого роста, с перекосившим от злобы лицом, теревил автомат, пытаясь загнать в ствол парган. Командир отделения ловко вышиб у него оружие.

Вспомнившись в лицо фашиста, наш польский друг с усмешкой сказал:

— Кажется, перед нами представитель ставки фон Бриллинг! Очень приятно... Будем знакомы: Владак. Вы, говорят, хотели эвдять меня...

Светало. В воздух поднялись ракеты — сигнал к отходу. Пылали немецкие склады в Ульянову, горел дом, взорванный коллаковцами.

С. СТРЕЛЬЦОВ,
участник польского рейда
партизанской дивизии имени Ковальска.

Рисунок А. Паукова.

¹ Радиослужба воздушного наблюдения, оповещения, связи.

² Вздвладкодию.

НАГАДКА

Юмореска

Задание редактора было кратким: дать репортаж об охоте.

Почти четыре года подряд, изо дня в день, из номера в номер, редактор требовал корреспонденции о подвигах солдат и офицеров, статьи о боевом опыте, а тут вдруг — репортаж об охоте! Причем не об охоте снайперов, а о самой обыкновенной охоте на уток.

Правда, я никогда в жизни не охотился, но задание есть задание. В ближайшую субботу мы с фотокорреспондентом отправились в плавни, в охотничьи угодья.

Это первое последнее редакционное задание оказалось самым приятным из всех, какие мне приходилось до этого выполнять. Ну, посудите сами, какая благодать! Все ночь я провел у костра, вдыхал аромат свежескошенных трав, обжигаясь душистой, наваристой ухой, слушал рассказы охотников о событиях только что отгремевшей войны. Потом охотники умолкли, прикуривая тут же у костра. В лимане таинственно зашелели камыши, раздался как-то веселые шорохи, всплески, крики ночной птицы.

Перед самым рассветом, когда заоркнулись ковши Большой Медведицы, егерь разбудил охотников. А какие было утро! Гае-то звел жаворонки, заливался на разные голоса всякая птица. Я лежал под стогом и писал свой репортаж, а рядом слыли охотники. От них пахлоало тпной, пороховым дымом. В колоде лежали трофеи — пылают шесть уток на тронх! Здарово! Фотокорреспондент, оержимый своим счастьем, на уток не охотился. Прорхает всю ночь у костра, он с

восходом солнца засел удить в лимане саизов...

В общем, репортаж был написан и, как говорится, прямо «с колес» пошел в очередную номер. Правда, майор, ответственный секретарь редакции, безжалостно (все ответственные секретари безжалостны) выбросил и заваристую уху, и запрыкнутый ковш Большой Медведицы, и многое другое, в том числе и нагадку. Мне же казалось, что без всего этого просто преступно публиковать репортаж. Я умолял, доказывал, бранился, даже грозил пожаловаться редактору, но майор оставался непреклонен (все ответственные секретари непреклонны).

— Газета, голубя моя, не резновая, — говорил он с злобой Мурлыкашевой — ворливостью. — Три колонки на твою нагадку, включая парочку фото, вполне хватит. Главное в репортаже — действие, гагад, расскаж о том, как твои охотники уток страдали. Вот это мы и оставим. А все штуки-дрючки про лулу да жаворонков, голубя, в стихах излагай. Понятно? В стихах. А еще лучше дай-о-го на радио. В эфире места мно-о-го, не то, что в газете.

И вот так всегда! Майор — старый военный газетчик — во всем признавал только конкретность. Любой материал, кроме пропагандистских статей и всего, что касалось боевой подготовки, он называл «благостью». Красноты, поэтически, казалось бы, подорожности в корреспонденциях у него имевались «штуками-дрючками». Первый абзац майор просто вычеркивал, считая, что пишется он «для разгона», тогда как сюжет «надо брать сразу, как быка за рога». И какую бы ты вещь ни написал, больше

трех колонок майор не давал, вторая жеюа старую остроу: «Давай, голубя, на радио. В эфире места мно-о-го.»

На этот раз острога майора толкнула меня на дерзкую мысль: а почему бы действительно не дать полный текст репортажа на радио? Не скрывая вызова в го-

рестички Е. Ведерникова.

лосе, а тут же спросил у майора разрешения на это. Он пожал плечами:

— Видишь ли, голубя, уважающий себя журналист для урожая с одного поля съмасть не станет, но поскольку я больше полюбому твоей блогия вырезал, то давай, давай полное собрание своих сочинений на радио. Я не возражаю...

На следующее утро репортаж появился в газете.

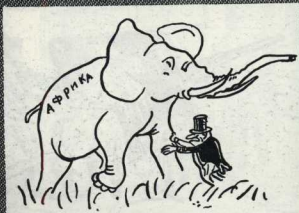
Прочел я свою «блогия» и, странное дело, не почувствовал лосды из майора. Оказалось, от сокращения материала действительно выиграл, стал стройнее, читался живее. Однако, зачем скрывать, обрдовался я еще больше, когда утром гудящий репродуктор начал шамкать «полное собрание моих сочинений». Только теперь оно называлось громким словом — очерк.

Подумать только, мой очерк слушала вся Кубань! Да что там Кубань! Говорят, радиовынос распространяется concentрическими кругами по всему земному шару, проникнув даже в межпланетное пространство и еще мертв знает куда! Редактор радиомонтажа, расчудесный парень, оставил решительный асе; и наваристую уху, и запрыкнутый ковш Большой Медведицы и трети жаворонков, и даже нагадку... Эх, посмотрели бы

вы на меня в тот момент, когда я входил в секретариат!

— Вот что, голубя, — встретил меня майор. — Бер-ка машину и поезжай в полкотода, тебя вызывает генерал.

«Заметил, значит, старик!» — радостно ехуло у меня в груди. И вы думаете, я ехал к генералу на машине? Одибегаетесь: летел на крыльях.

ПОСЛЕ КОНФЕРЕНЦИИ В АКПРЕ
Колоны заговори. Осторожней ты мне наступай на любимую мозоль!
(«Стришел», Болгария)

Поджалим: Каное глупое руноводство! Дают самые сильные коды, а ведь мне сегодня нужно играть с ними начальными.
(«Стришел», Болгария)

— Вам, товарищ лейтенант, случалось когда-нибудь хотеться утку? — сразу спросил у меня генерал.

Вопрос был задан самым доброжелательным тоном. Но, зная по опыту, что генералы зря вопросов не задают, я дипломатично промолвил нечто неопределенное, намекнул генералу, что если бы не охотился, то вряд ли смог написать сейчас сегодняшней «спортлет» довольно неплохой очерк. Заметьте, так и сказал — именно очерк, а не репортаж.

— Вот-вот об этом я и хочу поговорить. В общем-то неплохо. Наши офицеры-охотники сегодня слушали и читали с интересом ваше... ну, как бы назвать... произведение. Но из-за одной фразы мы потерпели фиаско. В газете и этой фразы не нашло, а по радио ее передавали. Помните, есть у нас местечко, где говорится по ночу, про свист, про селезня?..

— Как же, как же, товарищ генерал! Разрешите прочитать это место? У меня с собой есть копия очерка.

— Да, да, пожалуйста.

— Минуточку, товарищ генерал! Вот слушайте: «Уже запрокинулся алмазный ковш Большой Медведицы.» Нет, не то... ага, вот здесь: «Такий, ритичный саист проресса над камышам,» начал я, невольно сбиваясь на декламацию.— Нежто, любовно закрякала нагавка. Краснея селезень, услышав призыв, сделал разворот и пошел на посадку. Еще миг—и он будет рядом с подругой!..»

— Хватит! Ну, и как это почитать?

— Да что ж тут понимать, товарищ генерал? Знаете, перед рассветом в плавнях бывает тихо-тихо. Навлетит ветерок, всколыхнет камыши—и слова тишина. Помните, товарищ генерал, как хорошо сказал поэт:

Полночной порою, в болотной тишине,

Чуть слышно, бесшумно,

шуршат камыши... —

— Знаю, знаю! «О чем они шепчут, о чем говорят.» Вы Бальмонта не беспокоят. Меня не интересуют, что камыши говорят. Скажите, как поучилось, что у нас «любовно закрякала «сногавка»—

— Да, товарищ генерал, именно любовно. Другого слова тут не подобрать... Весна, товарищ генерал,—пора летать!...

— Да вы сами-то знаете, что такое погонка?

— Нагавка? Как же, товарищ генерал, знаю. Я понял, что это... ну, утка такая, обученная утка. Охотник призываает ее за веревочку, а сам прячется в шалях. И вот, как только появляется в небе дикие утки, охотник сейчас же за веревочку—дерг! Утка-то ученая, она сразу и подлетит, начнет кричать, так сказать, и а г а к в а е т. А селезень услышит... —

Что услышит селезень, генерал же не слышал: он плакал. Честное слово, генерал рыдал. Первый и, наверное, последний раз в жизни видел я, как плачут генералы. Потом генерал, видимо, сменяют, что при младших по званию плакать нельзя, пытаясь оставаться, достать платок, утереть слезы и не мог показать рукой в карман. Генерал плакал и... хотело сказать! Но генеральский хохот прибежал капитан-поруочец и начал хихикать. В раскрытой двери уже толпились работники политотдела и тоже смеялись. Все смеялись. Даже машинистка Зювника. Та самая Зювника, которая на протяжении всех лет войны вырезала все мои корреспонденции и статьи с боевом опатом и хранила вместе со стихами Константина Симонова в Ангеса Суркова.

Я готов был провалиться сквозь пол, если бы не вспомнил, что этажком ниже помещался кабинет командующего. И вот стоило только вспомнить об этом, как на письменном столе генерала зазвенел гудябой телефон. Смех сразу оборвался.

— Что у вас там за веселье, Иван Максимович? — проворковала гудябой трубка.

— Это Павел Алексеевич у меня тут автор сегодняшних охотничьих рассказов комментирует свое произведение.

— Про погонку? Ну и кто ж из нас был прав?

— Сознаюсь, я пари проиграл. Лейтенант говорит... хо-хо-хо! погонка... хо-хо-хо! это... подсадная утка, крикнул.

Теперь волны смеха потряслали оба этажа, они переборсили во флигел, в АХО, квартирно-экс, пугантационно часть, на стюажку машин.

В общем, после этой истории, где бы я только не появлялся: в штабе, в частях округа, в Доме

офицеров или на улицах,—меня все узнавали. Ожидаясь говоря, эта популярность меня очень утомляла, тем более, что я так толком и не знал, в чем дело, а спросить кого-нибудь мешало самолюбие.

Вскоре меня демобилизовали. Когда я уезжал, ответственный секретарь релакции, прошаясь со мной на вокзале, очень сердечно (все ответственные секретари очень сердечные люди) сказал:

— Это тебе был урок, голуба. Учись хорошо слушать людей и писать только о том, что знаешь, а чего не знаешь — не пытайся спросить. Тогда история с этой, как ее, ну, нагавкой не повторится... —

По пути в родные места я все же сошел на станцию, где находилась охотничья угодья, отыскал егера и спросил, что это за штука такая — «нагавка»?

— Погонка-то? А это, знаете, такая веревочка, которой привязывают краковую утку за ногу...

Но на второй вопрос егерь, естественно, не мог ответить, раз уж я сам до сих пор никак не могу понять: откуда мне втемишлась в голову эта самая нагавка? То ли поудлилось спросоньки, то ли в суматохе я не пойма егера. Да, я, кажется, так и не сказал вам, что всю ту лампятиую ночь и утро я сладко проспал у костра и проспался, когда передет давно кончилась, охотники вернулись и легли вздремнуть часок до поезда. А я писал свой злополучный очерк-репортаж со слов егера.

С тех пор прошло уже немало лет. Где только я не побывал за это время: откуда только не охотился. Случалось, стрелял белых медведей в тундре, охотился на диких гусей и морских зайцев. О чем я только не писал! Но, князь, больше ни одного слова про охоту не писал и писать не буду: варту у белых медведей или морских зайцев есть своя нагавка, погонка, будь она не ладана!

ДОМАШНЕЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ

— Неужели ты не смог придумать ничего лучшего, чтобы у нас не капало потолка!

(«Удлинщикель», Голландия)

Без слов.

(«Пари матч», Франция)

Последний крик моды... («Рогач», Чехословакия)

НОВАЯ ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА «СМЕНЫ»

Многие из нас, дорогие читатели, помнят традиционные олимпиады «Смены», которые проводились в 1955, 1957 и 1957 годах. Эти читатель журналы из разных районов и городов СССР и зарубежных стран принимали участие в этих шахматных «олимпиадах». Редакция непрерывно публикует письма, в которых одобрялись и замечания по поводу прошлых олимпиад в других письмах, которых было особенно много, выражалась настоятельная просьба сделать очередную шахматную олимпиаду, выполняющая пожелания читателей, редакция этого номера журнала открывает новую, четвертую олимпиаду «Смены».

Условия 4-й олимпиады

Олимпиада состоит из шести разделов: 1. Решение задач. 2. Организация и проведение турниров новичков. 3. Комментаторские партии. 4. Решение задач. 5. Набор комбинаций. 6. Шахматная викторина. Все эти разделы публикуются в течение февраля — мая. В последующих номерах публикуются ответы и решения, сообщаются имена победителей шахматных разделов, а в заключение подводятся итоги всей олимпиады.

По каждому разделу можно набрать до 20 баллов. Максимально возможный зачетный результат по всем разделам — 120 баллов.

У каждого участника олимпиады допускаются все замечания, независимо от того, кто из какой-либо разряда по шахматам или нет. Выступать можно как по всей программе, так и в одном или нескольких ее звеньях. Участвовать могут также шахматные кружки и секции предприятий, колхозов, учреждений и учебных заведений.

Просьба к участникам олимпиады присылать письма не подлинным адресом, которые будут опубликованы редакция. Ответы, анализы, комментарии, следует писать четким почерком, без помарок и на конверте делать пометку «На шахматную олимпиаду «Смены». Кроме фамилии, нужно сообщить имя и отчество, возраст, место работы или название учебного заведения, с какого времени занимаетесь шахматами, указать разряд и обязательно — адрес по подробный домашний адрес.

Частично олимпиады, которые успешно выигрывают в отдельных разделах, будут отмечены специальными дипломами. Победители всех олимпиад награждаются дипломами и шахматными терратурой.

Утверждено жюри 4-й шахматной олимпиады «Смены» в следующем составе: председатель — мастер Л. Абрамов, Ю. Гусев, В. Люблинский и А. Чистяков.

Первая страница — обзорки. Ереброт Виктор Алферов. 41. Фото М. Уразаева.

Четвертая страница обложки: Ученики ленинградской средней художественной школы в одном из залов Русского музея. Фото Е. Тюкавкина.

Раздел 1. Решение задач

Вниманию читателей предлагается 10 шахматных задач различной степени трудности. За правильное решение каждой задачи начисляется от 1 до 4 баллов. В случае, если участник олимпиады найдет лучшее решение задачи или докажет ее нерешимость, жюри присудит ему количество баллов, которое определено для данной композиции. Решения необходимо присылать в полной шахматной нотации, с указанием всех основных вариантов, исчерпывающих содержание задачи.

Крайний срок отправления ответов по каждому разделу олимпиады — 31 марта 1959 года.

Мат в два хода (1 балл)

Велсе — Краф, Фб1, Лб6, Сб1, п. d7 (5 фигур).

Черные — Краф, Кf7 (2 фигуры).

3
Велсе — Краф1, Фb5, Лa5, Лb6, Сb5, Кb1, п. b4, a6, c4, e4 (11 фигур).

Черные — Краф, Фa8, Лc7, Лd8, Сb8, Сc6, Кe6 (7 фигур).

Мат в два хода (1 балл)

Мат в два хода (2 балла)

5
Велсе — Краф2, Фa8, Лc1, Сb6, Сe5, Кb1, п. b4, d2 (9 фигур).

Черные — Краф2, Лb8, Лf5, Сc2, Кd7, Кb6, Кf2, Вит9.

6
Велсе — Краф, Фb6, Лa1, Лf4, Сc4, Кa2, Кd1, п. a3, k7 (9 фигур).

Черные — Краф3, Фa8, Вf7, Лe8, Са7, Сe8, Кb8, Кe1, п. a8, d8, f8 (11 фигур).

Мат в три хода (2 балла)

Мат в четыре хода (2 балла)

8
Велсе — Краф7, Фe8, Лa2, п. c3, d5, d7 (6 фигур).

Черные — Краф6, Лb8, Сb8, Кb6, п. e5, f7, e6, f5, f7 (9 фигур).

Мат в четыре хода (2 балла)

Мат в четыре хода (3 балла)

10
Велсе — Краф8, Фd7, Са7, Сc4, Кb6 (5 фигур).

Черные — Краф8, Фe2, Лa2, Сc1, Сb5, Кa3, Кc7, п. a4, b2, b3, e6, g4, h2 (13 фигур).

Мат в шесть ходов (4 балла)

КРОССВОРД

Составил В. Михайлов

По горизонтали:

7. Альпийская фиалка. 8. Сорг абиссин, выведенный И. В. Мичуринским. 10. Поэма А. С. Пушкина. 13. Норвежская патриотка, прозванная «русской мамой». 14. Традиционные соревнования на спортивных судах. 15. Председатель одного из передовых колхозов Черниговской области, двинувший Герой Социалистического Труда. 18. Форма для отливки металла. 19. Русский пейзажист, передвижник, видный педагог. 20. Основательница армянской оперной драматургии. 26. Названия кинофильма для детей. 28. Город, место конференции народов Африки. 29. Отец Д. Пучкина. 32. Легендарный международное спортивное соревнование. 37. Город в Крыму. 39. Действующий памятник поэмы Н. А. Некрасова «Русская женщина». 42. Пьеса О. Валькиля. 41. Основатель латышского театра и драматург. 42. Родина индустриальный центр Урала. 12. Государственный институт в Ании. 16. Вступление к большому музыкальному сочинению. 17. Первая в мире женщина-

профессор. 21. Парусное девиционное судно. 22. Старинный русский ударный инструмент. 23. Страна. 24. Страна. 25. Одеяние. 26. Одеяние. 27. Героическая драма Г. Мюссэ «Пер Гюльт». 28. Река впадающая в Восточно-Сибирское море. 31. Персонаж в комедии А. Н. Островского «Не было ни гроша, да вдруг алтын». 32. Судно, приводимое в движение силой ветра. 33. Английский писатель XIX века. 34. Головоломка. 35. Ресурсная пель. 40. Притон Оби. 41. Мельничная часть цеха химического элемента.

НЕ ЛУЧШЕ ЛИ ПЛАНИРОВАТЬ МИР!

Недавно в Пентагоне — здании, где расположено американское военное ведомство в Вашингтоне, — царил необычайное оживление. Клерки сновали по коридорам, курьеры бегали с пакетами на отвес, в воздухе слышались слова: «нацелировать», «нацелируются», «нацеливаются».

О какой же нацеливании толковали обитатели Пентагона, кто и по какому случаю собрался нацеливать?

«Что же ни фантастично выглядит, бравые американские солдаты обсуждали вопрос о возможной нацеливании Соединенных Штатов О новой же в будущей ядерной войне. Руководители дивизии Пентагона — так и по тактической просмотру — все равно размышляли о том, в каком случае и на каких условиях надлежит нацеливать американской армии.

Мы уверены, что читатели неоднократно убедятся, что очень неправдоподобно все

это выглядит. Но мы ничего не выдумали и ничего не прибавили от себя. Когда в связи с сообщением печатно на эту тему в Вашингтоне поднялся шум и в дело выстушили был вмешатель представитель министерства обороны США привнес, что «вопрос о будущей нацеливании американской армии действительно изучается. Специальные организации обороны», — «мы дали указание, при которых Соединенным Штатам было бы целесообразнее нацеливать, нежели пытаться продвигать уже проигранную войну».

«Что ж, не станем спорить с тем, что разумеется ни место «планирования войны и нацеливания отдаления от этого и другого и попытаться «спланировать мир?»

Валентин ЗОРИН

ПРИЧУДЛИВАЯ КАРТОФЕЛИНА

Думаю, что читатели «Смены» безбоязненно будут посмотреть на эту странную по форме картофелину. Она имеет вид на черепушку. Выкопан в своем городе, близ станицы, в хозяйстве Станиславского районного управления «Донецкоблтрест», тов. Н. А. Юган.

Все картофелины — полусферы.

С. БЕЛОРУС

1	2	3	4	5	6
9	10	11	12	13	14
15	16	17	18	19	20
21	22	23	24	25	26
27	28	29	30	31	32
33	34	35	36	37	38
39	40	41	42	43	44

По вертикали:

1. Ветер, дуящий на Средиземноморском побережье Франции. 2. Часть, передняя спортивной обуви с мячом. 3. Тип средней школы. 4. Надземное сооружение в виде моста для автомобильной и железной дороги. 5. Вид клена. 6. Известная украинская писательница. 9. Первая азербайджанская опера на сюжетную тему. Страны. 12. Государственный институт в Ании. 16. Вступление к большому музыкальному сочинению. 17. Первая в мире женщина-

Главный редактор М. А. Величко.

Оформление В. Урина.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, д-47, 1-я улица Языкова поля. 28. ТЕЛЕФОНЫ: Секретариат — Д-3-94-24. Отделы — рабочей молодежи, литературы и искусства — Д-3-31-66, студенческой молодежи — Д-3-35-24, очерка и публицистики, физкультуры и спорта, информации — Д-3-36-90, писем — Д-3-31-69, оформления, иллюстрирует — Д-3-34-22.

А 00152. Подписано к печати 17/II 1959 г. Тираж 450 000 экз. Изд. № 467. Заная № 166. Формат бумаги 70X108,6. 1,75 бум. л.—4,8 печ. л. Отдана в печать 17/II 1959 г. Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

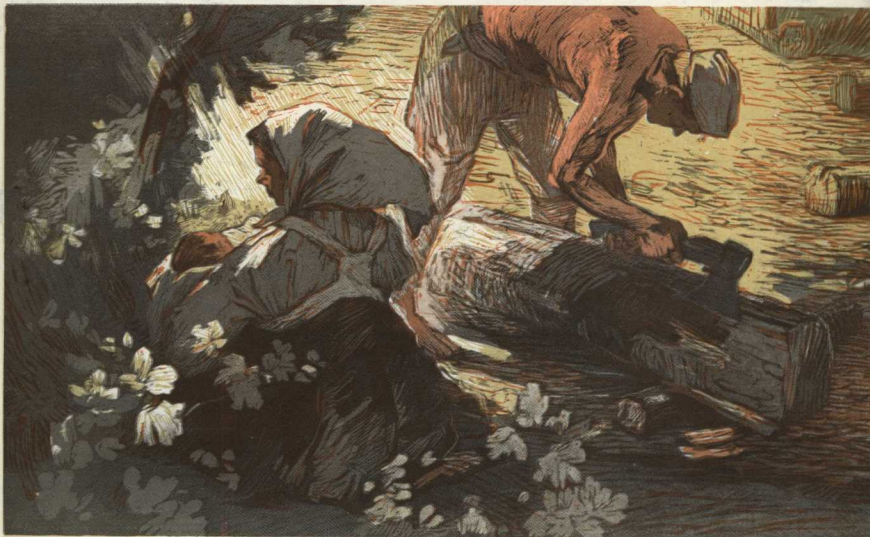

ИЗ СЕРИИ ЛИНОГРАВИУР «1941—1945»

Дипломная работа В. Г. Старова, студента Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина.

Солдатская мать.

Жизнь начинается снова.

Цена номера
2 руб.

